

ЛИССА
Джонс

ЛЮБЛЮ *тебя*
ДЕВОЧКА

Лисса Джонс

Люблю тебя, девочка

<https://litres.ru/74464012>

Аннотация

— Я сказал, становись, — прорычал, заставив вытянуться в струну и почувствовать силу его напряжения.

В кровь впрыснули лютую ненависть и адское возбуждение.

Да подавись! Ты ещё пожалеешь!

Мне было всего 18, когда я впервые его увидела. Одна тайная ночь на берегу моря... Вот и все, что нас должно было связывать. Он — Виктор Бестужев. Знаменитый на весь мир архитектор. А я... просто я. Девочка, осмелившаяся сказать ему „нет“.

И он решил заполучить меня любой ценой.

Теперь я работаю на него. Мы ненавидим друг друга, но я знаю одно.

Я — его единственная слабость. Его одержимость.

Очень горячий, властный, контролирующий мужчина

Нежная героиня

♥# ХЭ обязателен, но не сразу!

ПРОДОЛЖЕНИЕ "ВЕРНУ ТЕБЯ ДЕВОЧКА":

Содержание

Пролог	5
Пролог 1	10
Глава 1	14
Глава 2	22
Глава 3	32
Глава 4	39
Глава 5	45
Глава 6	53
Глава 7	60
Глава 8	70
Глава 9	78
Глава 10	84
Глава 11	89
Глава 12	95
Глава 13	104
Глава 14	112
Глава 15	120
Глава 16	127
Глава 17	133
Глава 18	140
Глава 19	147
Глава 20	155
Глава 21	163

Глава 22	170
Глава 23	176
Глава 24	184
Глава 25	188
Конец ознакомительного фрагмента.	189

Пролог

Попала ты, девочка.

Мы остались одни.

Отложив чертежи, я терпеливо ждал, когда она подойдёт.

Одержимость Василисой Никольской давно превратила мозги в кровавое месиво, но в последние дни я собственно-ручно выкрутил гайки, оголяя резьбу окончательно.

— Я вам не проститутка! — возмущалась на всю, мать её, пустынную галерею.

А у меня натурально сгорали предохранители. Ехала крыша. Тормоза нещадно срывало. От вида её раскрасневшихся щёк и сверкающих гневом глаз.

— Не шлюха очередная, когда вы уже это поймёте! — как фурия летела прямо в объятия, цокая каблуками по мрамору. — Вы не имели права так поступать!

Ядом плевалась. Шипела. Злилась. Разве что не бросалась кусаться. А я смотрел и смотрел. До сих пор понять не мог, что такого особенного нашёл в дурной малолетке.

Подвис так подвис. А ей любовь подавай. Долбанные её чувства её и убьют.

— Законченный эгоист! Козел! Это было мое свидание! Мое, а не ваше!

Да, знаю.

Я хуже, малышка, прости.

Поломаю тебя под себя.

Потому что — нужна.

Потому что иначе — свихнусь.

Я и так зашел слишком далеко, пытаюсь заполучить Василису в кровать. Тормозить было поздно.

Поправив безбожный стояк, натянувший ткань брюк, с удовольствием отметил: девчонка увлечена своим праведным гневом. Не замечает, как подлетает все ближе и ближе.

Бог свидетель, я трахну ее на полу.

На столе.

У стены.

На себе.

Ну, пиздец. Затмение по всем фазам луны. Ебн*лся в край. Но чем тверже она говорила мне «нет», тем сильнее жаждал поймать ее так, чтобы к утру левая коленка заново знакомилась с правой.

— Вы хоть представляете, как я вас ненавижу?! — напротив остановилась, сверкая глазами.

Раскатать она меня захотела. Наверное, это меня в ней и зацепило.

— Попалась, — с усмешкой. Жадным рывком притянул к себе за запястье. Спотыкаясь на своих каблуках, Василиса с визгом влетела прямо в объятия.

Стол позади нас пошатнулся.

— Ненависть – сильное чувство, — с улыбкой шепнул в лицо обалдевшей девчонке. С трудом сдерживался, чтобы не

раскрыть языком пухлые губки.

Пальцами. Членом. Ее губы вокруг моего члена... Ее рот стал гребанной идеей-фикс, на которой я помешался.

Потряхивало. На месте буквально трясло. Черт, если б не девочка... Устроили мы бы секс-марафон с перерывами на еду, где главный десерт – ее юное тело. Но до сих пор в башке набатом стучала мысль, как ей было плохо в тот раз.

— Хуже мужчин... — Василиса брыкалась, — не встречала!

Ухмыльнувшись, по-животному провел языком по нежной щеке, ловя чистый кайф от ее вкуса, а Василиса вцепилась в меня, как дикая кошка. Сражалась.

Хорошо.

Привыкай ко мне, крошка.

— Что.. ты?.. — в расширившихся зрачках, под слоем ебуч*го возмущения черти затанцевали ламбаду. О, этот взгляд просто таки отпечатался у меня на подкорке!

Два года... Уверен — я мог бы поднажать, и Василиса бы поддалась. Так хотелось отправить ее сначала за первым оргазмом, а потом как пойдет... Обоюдно или поочередно.

Ни одна женщина так не вставляла. Бл, Виктор Александрович, ну куда катится мир?

Несмотря на показушную ненависть и мое скотское предложение, она хотела того же. Она, бл, до одури хотела меня, как и всегда. А не сопливого дробера, готового таскаться под ее каблуком, как послушный щенок.

— Здесь или поднимемся в кабинет? — без церемоний прижал за попку к колом стоящему члену.

— Н-не буду я с вами... с-спать... заруби себе на н-носу...

— Значит здесь, — подмигнув, я рывком развернул нас, прижав Василису столу и впился в манящие ядовитые губки, раздвинув их языком.

Главы через день!

А вот и наш Виктор Бестужев

Пролог 1

Василиса протестующе застонала мне в рот, и звук вибрацией отдался в болезненно напряжённом паху.

Распаяя, поджигая и провоцируя, встречала мой язык своим язычком. Все, как я помнил.

Принципиальная, правильная, чистая девочка... Как долго мы к этому шли.

От Ее вкуса во рту собиралась слюна, от запаха крыло по черному, хотелось сильнее и глубже. Намотав на кулак белокурые волны, заставил запрокинуть головку назад.

Вот так. Принимай меня.

Солёно-сладкая нежная кожа. Бешенный пульс под моим языком. Пульсирующий член, под завязку налитый кровью.

— Ты... меня принуждаешь...

Выключились все органы чувств. Уносило в какую-то лютую беспросветную тьму, где существовала только она. Тонкие пальцы в моих волосах...

Засмеялся, вжимая бёдрами в стол так, чтобы чувствовала раскалённую плоть.

— А тебе это нравится.

Я хотел её.

Прямо здесь.

Задрать юбку, расстегнуть брюки, войти без прелюдий и просьб. Хотел чувствовать, как сжимает меня.

Она хотела того же. Видел расширившиеся зрачки, сбившееся на всхлипы дыхание. Ее бёдра, качнувшиеся непроизвольно навстречу, едва не заставили сделать все, как той ночью.

— ... ко мне, Василиса. Сейчас же, — это был не вопрос.

Приоткрыв порозовевшие губки, вдыхала-выдыхала, глядя доверчиво. Из дикой кошки в котенка, стоило немного приласкать.

С упоением представлял, какой будет послушной, если хорошенько ее потрахать.

Послушная Василиса Никольская... Выносите, бл, тело.

Ладонка легла мне на щеку, Василиса сама потянулась за поцелуем, прикрывая глаза.

Да ты ж моя...

— Пошёл ты! — острые зубки вонзились со всей дури с какой только могла эта малолетняя фурия!

Кровь хлынула сразу, медный вкус залил рот, и пощёчина прилетела следом. Да такая, что голова мотнулась в сторону, а в ушах зашумело.

Другая на ее месте уже бы... А не было ни разу другой. Никто еще не пускал мне кровь и не оставлял след на щеке.

— Любишь пожестче, — выдохнул, с улыбкой глядя на растрепанную девочку-пай.

Стояк оттягивал брюки так, что двинуться было больно. Пусть смотрит и знает, что я сделаю с ней, когда доберусь.

— Я тебя ненавижу, Бестужев, — прошипела, пятясь на-

зад. — Ты больной! Тебе нужно лечиться!

Выпрямившись, я не сделал и шагу, чтобы догнать.

— Завтра в восемь утра, Василиса.

— Вот вам новость! Я увольняюсь! Засуньте свой кофе в свою самовлюблённую, эгоистичную задницу!

— С восьми до пяти, — я провёл языком по разбитой губе. — Ты работаешь на меня. Или забудь про свои чертежи.

Пожалуйста, поддержите новинку библиотеками и звездочками! Это очень-очень важно на старте.

Нас ждет огненное противостояние характеров!

Глава 1

За месяц до пролога

Василиса

Собрание старост всех курсов и факультетов СПбГУ было в самом разгаре.

— ... обеспечить явку на внеурочные мероприятия полагается старостам всех курсов и групп... — бубнил председатель профкома.

Однако мое внимание захватил не новый приказ ректора, а парень, устроившийся под столом на нашей галерке.

— С ума сошел? — возмущенно шикнула. — Вылезай!

Озорной взгляд светлых глаз стрельнул мне под юбку, но, когда я чуть не зарядила туфлей ему в нос, Стас быстро «подобрал упавшую ручку» и уселся обратно.

— Ва-а-ась, — игриво протянул Комаров. — Ну давай, м?.. — в стиле великого соблазнителя пощекотал дыханием щеку, придвинулся на деревянной скамье ближе. — Я тебе сделаю капец как хорошо... И ты передумаешь на счет отношений.

Прикусив губу, я очень постаралась не захихикать.

— А что дальше? — положив ногу на ногу, с притворным вызовом посмотрела на парня. — Шоу «Что было дальше»?

Шутливые подкаты Комарова были нашей традицией на скучных собраниях, но в этот раз Стас превзошел сам себя.

— А дальше все как в киношке для взрослых, — подмигнул, как «плохой мальчик», кадрирующий «хорошую девочку» на выпускном.

— Ну вот! Надо было про свадьбу, детей и общую ипотеку. А ты мне про порно, — обманчиво расстроено закончила я.

На нас уже стали оборачиваться с нижних столов.

Леша Вершинский перешёл к печальной статистике явок на самодеятельные концерты профкома. Какой-то умник в очках и рубашке закрыл окно. В потоковой переплненной аудитории стало невыносимо душно.

Сейчас бы на море... На свежий соленый воздух... Домой. *Домой.*

Слово болью отозвалось в сердце. Всегда отзывалось.

Путь в место, которое я называла домом, теперь надолго заказан. Вот работать как папа Карло ближайшие пару лет — это вернее.

Мрачные мысли без тарабарщины Стаса заполонили голову.

Вместо аудитории — пустынное кладбище.

Вместо Вершинского — звенящая тишина.

Вместо теплого мая — пронзающий сыростью воздух апреля. Пустой взгляд юриста, передающего документы.

«Теперь вы – единственная владелица шато «Николь», Василиса. Поздравляю».

Нашел, с чем поздравить. От бабушки с дедушкой оста-

лись только могильные камни, родной отец давно жил за границей, а у мамы — другая семья. Никому ненужно это наследство... кроме дурной меня.

В девятнадцать стать владелицей семейного разоренного бизнеса — не то, о чем мечтают девчонки, но моя мечта не претендовала на звание «нормальной».

Вздохнув, я украдкой бросила взгляд на сидящего сбоку парня, чтобы отвлечься. Вот о таком девчонки точно мечтают.

Светло-русые кудри волос вкупе с добродушной улыбкой и бирюзовыми, как озера, глазами...

Питерский мальчик, поступивший на кафедру «Гостиничный бизнес» по настоянию родителей-отельеров. Мама и папа подарили ему новенькую студию и неплохую машину, упаковав его по полной программе.

По словам моей соседки по квартире Карины, не будь я такой дурочкой, давно бы жила в шоколаде. Ну, то есть в студии в ЖК бизнес-класса, а не в панельке в Приморском.

Да я и сама понимала, что уж тут. Френдзонила, не отпускала, поступая жестоко.

Познакомившись на одном из собраний в прошлом году, мы два года просто дружили и порой флиртовали.

Стас был беззаботным, легким, общительным. А я утопала в учебе и подработках. Какие тут отношения?

Я почти собрала миллион за эти два года. А мне жизненно важно нужны были три.

— Вась, — нарушив поток невеселых мыслей, Комаров снова пощекотал ухо дыханием. — Давай я тебя после пар подвезу?

Стас ведь и правда чудесный. Он поддерживал даже в самые темные дни. Может?.. Хотя бы попробовать?

Кажется, он обалдел, когда я, молча кивнув, согласилась. Посмотрела в глаза...

Должно ведь искрить и мурашить, должно неистово биться в груди? А бабочки в животе? Пожар, безумие, остановка сердца...

Как высечь искру, если совсем ничего?

— Все свободны, до следующей встречи, — сухо закончил наш председатель. Я вернулась в реальность, наспех собрала вещи и направилась к выходу, пока Стас задержался с Вершинским.

Редкое солнце заливало центр Питера, вокруг все цвело и пахло. Шумели улицы, с каналов доносился музыка: всюду гуляли теплоходы, туристы заполняли город перед майскими праздниками. Из уютных кафешек пахло свежей выпечкой и молотым кофе.

Захотелось неспешно пройтись до метро или поесть где-то, прикидывая, что делать дальше. Скоро придется пойти на поклон к эгоистичному ублюдку, от мысли о котором сковывал страх...

— Вась, подожди, — догнав, Стас зашагал рядом. — Я не шутил. И я тут подумал... Ты мне правда нравишься.

Упрямо послав интуицию к черту, я решительно собралась дать Стасу шанс.

— Ну... тогда, может, сходим в кино? — предложила с улыбкой сама.

— Слушай, а переезжай ко мне? — отчаянно выпалил Комаров.

— Комаров, ты в себе? — я даже остановилась посреди университетского сквера.

— Ну, а что? Питер город недешёвый. Тяжело будет одной выживать.

Аж рот приоткрыла от щедрости и жалости.

Вот что-что, но я не любила слабых людей. И не хотела, чтобы на меня смотрели как на сиротку. Я столько сил тратила, чтобы быть сильной!

— То есть... — Стас занервничал. — Блин, Вась!

— Статс! — взвизгнула, когда схватил за талию и притиснул к дереву, прижавшись к моему лбу своим. — Т-ты что... делаешь?!

Мы же даже не вышли с территории универа. Не нарваться бы на какого-нибудь высокоморального профессора или декана...

— Давай попробуем, а? Дай мне шанс. Хоть разок... Я от тебя с ума схожу второй год...

Прижался к губам.

Мягкий. Тёплый. Правильный. Немного слюнявый, немного неловкий. Закрыв крепко глаза, заставляла себя

чувствовать хоть что-то.

Искры.

Бабочек.

Трепет.

Не выходило.

— Ну ответь, Вась... пожалуйста... — умоляюще пробормотал Комаров.

— Я... — не знала, как не обидеть. Целовался Стас так себе.

— Не умеешь? Я всему научу... стань моей девушкой.

Ох, Комаров-Комаров, тебя бы кто научил...

Он же до сих пор считает меня «хорошей отличницей Василисой».

Всхлипнув, я сделала нечто очень и очень плохое. Закрыв глаза, запустила пальцы в светлые волосы и перехватила инициативу, воскресив в голове совсем другой поцелуй.

Жёсткие губы.

Властные руки.

Безграничное подчинение, свидетелем которого были лишь звезды.

Поцелуй, из-за которого и начались все проблемы.

Поцелуй, который заклеил меня, едва мне исполнилось восемнадцать.

Разорвал, уничтожил и пересобрал.

Поцелуй, из-за которого я так и не смогла с кем-то встретаться.

— Ва-а-ау... — разорвав контакт наших губ, Стас пьяно улыбнулся, веря, что это его заслуга. — Тебе нравится, да? — прохрипел.

— Очень, — прошептав, я ответила совсем не ему...

Спойлеры, арты и откровения в моем ТГ-канале "твой автор, Лисса Джонс"

Глава 2

Василиса

Той роковой ночью, прижатая мощным телом к песку, я терялась в умелых ласках, грубых движениях и взрывающихся между нами вселенных.

А всё началось с приезда знаменитого архитектора в наше шато.

Нет, всё началось ещё раньше. С моего незапланированного появления на свет.

Моя мама — дочка владельцев семейного отеля и винодельни — тогда была молодая и жутко наивная. Девочка с провинциального юга, встретившая отдыхающего на море красавчика-папу.

У них был курортный роман, а его результатом стала я.

Пару лет они жили вместе, но не срослось. Они развелись, он уехал... В Польшу или Германию? Знаю только, что дед и бабушка не любили его. Но на каждый мой день рождения папа присылал подарки и обязательно писал письма на Новый год.

Мама нашла другого мужчину. Мы стали жить втроём в Краснодаре. Но я ему была как кость в горле. Чужая. Лишняя. Неудобная. Мама забеременела, и я всё чаще слышала намёки на то, что мне бы поехать к деду и бабке... На каникулы... На целое лето... Насовсем.

Так в пятнадцать я оказалась в шато...

Я жила в семейном отеле. Впервые чувствовала себя нужной. Не бабушке с дедом, увы. Персоналу.

Повара готовили мне отдельно. Все горничные знали меня по имени. Сантехник — дедушка Вася — всегда привозил с собой леденцы из города.

Я нашла счастье в самом шато: в отеле, в виноградниках, в гектарах провинциальной земли, расцелованной солнечным светом, — в сотрудниках и даже в гостях.

Увы, мои дедушка с бабушкой были... не самыми прогрессивными в мире людьми. Они не были способны держать конкуренцию со строящимися отелями, новыми винодельнями, московскими огромными застройщиками.

Я училась в одиннадцатом классе, когда шато стало стремительно чахнуть.

Меньше гостей, меньше сотрудников. Дорогому для моего сердца месту требовалась полная реставрация и ребрендинг. Я мало что понимала в бизнесе, но необходимость обновлений была очевидна даже ребёнку.

Я писала папе... И папа сказал, что есть у него знакомый в России, который способен нам помочь: подготовить проект, вывести на какую-то там комиссию...

Дед, махнув рукой, сказал, что из нашей с папой затеи всё равно ничего не получится. Вокруг одни мошенники, желающие получить от него деньги. Однако согласился попробо-

вать.

Это был июнь. Мне вот-вот должно было стукнуть восемнадцать...

Порог нашего дома переступил мужчина, равных которому я ещё не встречала.

Власть.

Если бы меня попросили сказать одно слово, которым требовалось бы его описать. То, как он двигался... Неторопливо, будто весь мир уже у его ног. Выше среднего роста, с чёрными волосами и по-мужски красивым лицом.

Виктор Александрович Бестужев.

Veni, vidi, vici— чёрным по белому было нанесено на его шее.

И мне бы присмотреться, прислушаться, вдуматься. У мужчины на шее кредо победы. Предупреждение... Но я была очарована с первого взгляда.

Чёрная рубашка, брюки, солнечные очки. А потом он их снял. Улыбнулся моему деду — почтительно, уважительно, но... Всё с той же исходящей от него энергией хозяина положения.

Я наблюдала за ним с лестницы и даже с расстояния в несколько метров видела подобные грозовому небу пронзительные глаза.

Тогда я и подумать не могла, что Виктор Бестужев тоже заметит меня... И окунёт сиротку при живых родителях в ядовитый концентрат такого мужского внимания и желания,

после которого я не смогу подпустить к себе ни одного парня.

Я часто видела его за ноутбуком на террасе в тени виноградников. Часто слышала разговоры на беглом английском, видела, как дед таскал ему кипы старых бумаг с планировками.

Со мной он тоже общался. И... Вёл себя вполне дружелюбно. Нет, даже не так.

Он не смотрел на меня как на надоедливого ребёнка. Не отмахивался. Никогда не говорил ничего такого, что могло бы смутить. А ещё я ни разу, в отличие от приезжих одиноких мужчин, не видела его с местной женщиной.

С каждым днём я всё больше увязала в человеке, которого прислал мой отец.

Иногда *Он* рассказывал про разные страны, отели в других городах... Надо сказать, рассказчик из него был превосходный. Слушала с детским восторгом, смотрела фотографии и думала: сколько же стран он вообще посетил?

Мечтала, что и наше шато теперь заживёт новой жизнью. Откровенно говоря, тогда я не понимала, кто он и что, но с его лёгкой подачи решила, что хочу поступить в Питер.

Июнь приближался к концу, двадцать первое... Экзамены завершились. Это был день моего рождения и ночь моего выпускного... На который я пойти не смогла.

Дедушка отказался платить за прогулку на яхте: бабушка приболела, нам надо было выложить Виктору круглую сум-

му. А я и не возражала.

Надела платье, купленное на накопления, — бежево-золотое, лёгкое, как второй слой кожи. Ткань струилась по телу, делая меня абсолютно другой

Взрослой.

Красивой.

Из погреба стащила бутылку вина. Решила прогуляться до побережья.

Виктор сидел на веранде с планшетом в руках, но, когда проходила мимо, — тихо-тихо, как мышка, — он поднял голову.

Наши взгляды пересеклись.

Мир мог бы обратиться в труху...

Под кожей. В самом сердце. Во мне.

Вокруг нас дрожало пространство.

Должно быть, в тот миг он и принял решение. А отсутствовать, как узнала я позже, он не умел.

— На свидание? — голос низкий, спокойный. На порочно изогнутых полных губах играла ленивая улыбка.

Он смотрел на меня — на платье, бутылку, босые ноги. В глазах штормило грозное небо.

— Ага, с морем, — с колотящимся сердцем добавила: — Хотите... посидеть со мной?

Спросила робко, почти шёпотом. Думала — откажет. Усмехнётся, вернётся к своим чертежам.

Виктор молчал долго.

Так долго, что я уже хотела уйти. Спрятаться в темноте, провалиться сквозь землю. А потом он встал. Захватил со стола два бокала. И просто пошел следом, пока я вела его короткой дорогой к Черному морю.

Сидя на пустынном маленьком пляже, смотрела, как он разливает вино. Не спеша, со знанием дела, будто делал это тысячу раз.

— За что пьём? — спросил, протягивая бокал.

— За мой день рождения.

Черные брови взметнулись наверх.

— Сколько тебе?

— Утром исполнилось восемнадцать.

Мы чокнулись.

— Почему не с друзьями? — в тихом низком голосе слышалась хрипотца и искренний интерес.

— Ну... все же на яхте. Да и вообще у нас как-то не принято отмечать мои дни рождения.

Тот его взгляд...

Вино было терпким и сладким, рассказы о том, где он побывал и как с лучшим другом чудил в моем возрасте — легкими и смешными. А ночь жаркой и душной.

Я встала, вино ударило в голову.

— Что ты делаешь? — смотрел снизу вверх. Клянусь, я видела небосвод на дне его глаз.

— Хочу искупаться, — допив, протянула пустой бокал.

— Тогда раздевайся, — усмехнувшись, мужчина забрал

его, задев мои пальцы.

Я потеряла дар речи, застыв.

— Спокойно, Василиса. Я пошутил.

А я вдруг решила на глупость. Мне восемнадцать, никто в жизни не смотрел на меня так, а совсем скоро и этого мужчины не будет. Я снова буду одна. Какая разница где? Здесь или в Питере. Или в любом другом городе.

Я была и буду одна.

Меня не отругают родители.

Не будут искать бабушка с дедушкой.

Все, что я сделаю этой ночью, останется только в этой ночи.

Улыбнувшись ему, развернулась и побежала.

— Василиса! — летело в спину, а я хохотала. Забежав в черную воду, нырнула.

— Выходи! — увидела его у кромки воды. Пошел, значит, следом? — Ты выпила. Это опасно.

— И что? — крикнула в ответ, снова ныряя. — Я плаваю как русалочка с пяти лет!

Звезды отражались в воде, волны мягко покачивали. Впервые за долгое время я чувствовала себя безгранично свободной. Весь мир был над головой.

Сильные руки обхватили за талию, развернув резко и властно. Мои обвили мощную шею, мы снова смотрели друг другу в глаза.

— Русалочка попала к пирату, — хихикнула. Сама не по-

няла, что сказала.

Стояли в воде, совершенно одетые... Тогда я почувствовала это впервые.

Открытое и откровенное мужское горячее возбуждение. Впервые желание подорвали в груди, впервые страсть разбавила кровь, впервые отчаянно хотелось поцеловать, потрогать, отдаться.

Чувствовать.

В себе.

Глубоко.

До беспамятства.

— Как мне вас... или тебя... называть?

Воздуха не хватало.

— Смотря что ты хочешь, — моя грудь коснулась его и прострелило разрядом.

— Я... — не в силах отвести взгляд от его губ. — Я ещё ни разу не целовалась... по-настоящему.

— Вот как? — низко, с вибрацией.

— Ага. Я больше... свой парень. Со мной дружат, а не... — сбилась с мысли. Мощные бёдра рывком прижались к моим.

Я потеряла чувство контроля... неопытное тело стало ватым и мягким, голову заволок сладкий туман, а между бедер вспыхнул пожар.

— Со мной дружить не получится, — его руки скользнули ниже, сжав мои ягодицы.

Вот так и встретились мама и папа Авроры (героини романа "Король моей школы")

Ей было 18, она жила на юге и мечтала быть кому-то нужной. Мечтала о своем доме.

Ему было 28, весь мир был у его ног, и дом ему был ненужен.

Глава 3

Василиса

— Иди ко мне, — подхватив меня за бедра, Витя усадил на себя. Впервые я оказалась прижата к мужскому телу откровенно и явно.

Горячий взгляд обжог мою грудь. Промежность касалась его живота... Дух захватило.

Да я дышала с трудом, барахтаясь на дне своих девчачьих наивных фантазий с Бестужевым во главе! Отчетливо представляла себя под мужским крепким телом.

Чтоб я снизу, он сверху, чтобы входил нежно и мягко, обязательно целовал.

Желание текло под кожей волнами... Вода вокруг словно вскипела... Чувствовала себя маленькой и защищенной, а Витя держал так уверенно и по-хозяйски, будто не сомневался... Поцелуем дело не ограничится.

Песок под спиной, ногами, руками...

Мои руки мелко тряслись на его плечах, дрожь охватила каждую клеточку неискушенного тела, а его бархатный обволакивающий голос простреливал низ живота сладкими спазмами.

— Точно русалка, — в уголках губ играла улыбка.

— Тогда тебе стоит бояться, — трепетала, едва шевелила губами.

Раздвинув ножки, залилась краской. Прикусила губу, стояло каменным бедрам устроиться между. Живот дрогнул от холодной пряжки ремня.

Мне хотелось выгибаться под ним, отдаваться и ощущать!
— Почему? — склонив голову, Виктор продолжал прожигать пристальным взглядом. Одной рукой упирался в песок у моей головы, второй медленно поднимал подол длинного платья...

— Русалки... топили... мужчин, — бессвязно бормотала, с трудом дыша. Моя грудь касалась его. — Утаскивали на дно... океана... не отпускали обратно.

Хмыкнув, схватил под коленкой и закинул ногу на свою талию, каменный член уперся прямо *там*...

И я умерла.

Потому что так тесно и пошло. Потому что сама издала жаждающий стон в его рот...

Как низко, Васенька, ты пала!

Но, божечки, что ещё я могла? Когда взрослый и сильный мужчина был рядом? Никогда в жизни не казалась себе такой... хрупкой... Желанной.

Со всхлипом поймала движение кончика его языка своим, обняла за шею, прижалась всем телом... Было ласково, нежно и вкусно. Я просто повторяла и подчинялась...

По-французски... переплетаясь языками, телами.

В какой-то миг все резко пропало.

В ужасе распахнула глаза.

— Ч-что... — сердце остановилось. — Я... я что-то не то? Или не так?...

Боже-боже-боже! Я до ужаса сейчас боялась облажаться!

А Витя смотрел, убивая.

Затрясло.

Заколотило.

Он двинул бедрами, я невольно вздохнула... И мир заволокло чернотой. Бестужев впился в мой рот в другом поцелуе.

Жесткие пальцы на моем подбородке, раскрывая сильнее... Язык губоко, мои запястья над головой в его кулаке... Вес тяжелого тела... Движения бедер... Вкус вина, моря и его кожи смешались в ядовитый коктейль...

Сгорали.

Песок был везде. В волосах. Под спиной. Под ногами.

Жаждающий член толкнулся в меня сквозь слои ткани.

Трусики скользнули по мокрой коже, и я застонала.

— Василиса... — голос едва не ломался, а потом он сказал *это*. — Пошли ко мне в номер.

Номер.

Приезжий мужчина.

И я.

Очнулась. Ужаснулась. Застыла. Мама и её «курортный роман», который закончился мной. Отдыхающие мужчины, которые приезжали, а потом уезжали.

Я выросла среди этих историй! Слышала, как плакали гор-

ничные! Видела, как увядали женщины, которые верили в «ты для меня не просто отпуск»!

Я же знала, *ЧТО* происходит, когда мужчина смотрит так, как сейчас смотрел на меня Виктор! Знала цену последствиям!

Моё сердце мне было дороже. Кроме него у меня ничего не было.

— Нет, — отвернув голову от нового поцелуя.

Руки, ласкавшие моё тело, окаменели.

— Я не буду той, с кем проводят одну ночь... — и тихо добавила. — Поцелуй был... великолепен... С-спасибо... Прости.

Тело горело, между ног было влажно, мне было так больно, а губы кололо от его поцелуев!

— Я могу быть здесь ещё неделю, — наконец-то ответил спокойно, даже не думая подниматься. — Тебе понравится.

— Что понравится?.. — сдерживая слезы, дернула носом. — Приходить к тебе по ночам?

— Я помогу поступить в Питер. Найти нужных людей для шато.

— Ты меня... покупаешь?

Витя взял меня за подбородок, большим пальцем накрыв припухшие губы. Словно что-то искал на дне моих глаз. Песок царапнул нежную кожу, попал в рот... Я замерла, а ему, кажется, нравилось.

— Лучше со мной, чем с каким-нибудь одноклассником

через пару месяцев на заднем сиденье дешёвой машины после студенческой вечеринки.

Вот, значит, кем я была? В отеле с приездом, в тачке по пьяни... Беспризорница с повадками шлюхи.

Я толкнула его в грудь, он поддался, я встала. Молчали. А чего я ждала? Предложения выйти замуж?!

Тогда еще мое сердце не разбилось на части... Но ему оставались считанные часы.

— Нет? Вась? Ты тут? Почему нет? — растерянный Стас вернулся на полянку университетского сквера, где я стояла, прижатая к дереву.

Вокруг шумел майский Питер. Все так же пахло речной водой, свежей выпечкой и бензином. Солнечный свет резал глаза.

— Что? — заморгав, поняла, что едва не заплакала.

Такая дурочка! О чем только думала?

— Ты только что бормотала «нет», — обиженно протянул Комаров, покусывая губу. — После того, как сама поцеловала. Я так плохо целуюсь?

Знала, что ничего хорошего из затей не выйдет, но, видит Бог, я устала от одиночества. Устала быть сильной. Хотелось ненадолго расслабиться в чьих-то объятиях, посидеть в ресторане и побыть той, кому заказывают ужин, не спрашивая «голодная или нет»?

Дарят цветы просто так. Не обязательно розы, можно ро-

машки. Или клубнику. Или чай по утрам.

Без сделок, без выгодных предложений, без разрушительной страсти, способной вывернуть душу.

Я всегда хотела просто любви. Тихой, нежной, заботливой и здоровой.

— Стас... — можно ведь иногда побыть слабой? — Давай попробуем?

Комаров закружил в объятиях, а я чувствовала себя последним на земле человеком.

Мы пошли к его машине, он что-то говорил про роллы, кафе и свидание, когда по спине пробежались ледяные мурашки.

Черный внедорожник посреди седанов бросался в глаза. Отбросив темные мысли, я села в машину к Стасу, мы тронулись. Мерседес поехал за нами.

У меня паранойя.

Это все из-за воспоминаний.

Он вообще давно не в России. У него Германия и Эмираты...

Стас хмуро посмотрел в зеркало заднего вида, но ничего не сказал. А на Невском мы его потеряли.

Дорогие, пожалуйста, поддержите историю звездочкой и комментарием! И, конечно, добавляйте в библиотеку, чтобы не потерять

Глава 4

Василиса

Я приползла домой ночью и обессиленно рухнула в подушку лицом.

Надо было раздеться, принять душ, подготовиться к парам. Конец семестра на носу. Но впереди маячили майские выходные... А на смене мне так потрепала нервы стервозная девица, что хотелось лежать и не двигаться.

По вечерам я подрабатывала админом в пафосном фитнес-клубе. Сегодня, после обеда со Стасом, чуть-чуть опоздала. И поплатилась.

В салоне случился Армагеддон вселенских масштабов. Массажистка заболела, запись не отменила, а девица наехала на меня.

— Вы знаете вообще, кто мой муж?! — орала надутая кукла, пообещав лишить меня места.

Так и хотелось спросить: «Мужчина с полным отсутствием вкуса?»

Усилием воли отодрала себя от кровати и побрела в ванную, слыша, как девчонки копошатся на кухне.

Через двадцать минут, затянув полотенце потуже, я опустилась на стул и забрала у Карины кружку мятного чая.

Как хорошо...

За окном кухни давно потемнело. Девчонки включили

гирлянду и зажгли свечи, и теперь в комнате пахло корицей и сахаром. Настоящее девчачье счастье после дня ада и дурацких флешбэков.

— Неужели ты согласилась? — Карина, облокотившись о стол, удивлённо вскинула брови. Только что я поведала соседкам про Комарова.

Мы с Мариной и Златой снимали комнаты в трешке. По вечерам и ночам часто собирались на посиделки на кухне.

Карина училась на хореографа, танцевала в модном ночном клубе и была нереальной красоткой. Высокая, загорелая, с каштановыми кудрями и грацией кошки. Мы с Мариной два года жили бок о бок.

Злата — первокурсница с журфака, присоединилась к нам в этом году.

— Ой, смотри, он позвал её на свидание! — выхватив мой телефон, запрыгала Злата. — Ресторан «Парадис»!

— Ого, — Карина округлила глаза.

— Недешёвое место, — Злата хитро заулыбалась. — Там та-а-а-акие мужчины...

Она мечтательно вздохнула, а я едва не поперхнулась чаем.

— Отказаться? — с сомнением посмотрела на свой телефон. — Дорогой ресторан - перебор. Мы же только начали встречаться.

— Ты чего! — Злата затрясла рыжей копной. — Сразу видно — парень серьёзно настроен. Не кофе попить в сто-

ловку ведёт.

— Я тоже думаю, соглашайся, — Карина кивнула. — Нормальный парень.

— Двое против одного, — Злата нависла надо мной с горящими глазами. — Пошли подбирать платье? Тебе подойдет «голое» золотое.

— Только не золотое!

Вскрикнув, прикусила губу под их удивленными взглядами, повторив уже тише.

— Просто не люблю платья в таком стиле.

Два часа мы устраивали показ мод в Карининой комнате, смеялись как ненормальные и пытались понять, почему соседи еще не отправили нас в дурку. А когда Злата пошла спать, торжественно всучив мне алое мини со спущенными плечами, Карина схватила за руку и повела на кровать.

— Вась... — в волнении заламывая руки, Троянская начала заикаться. Вот это сюрприз. Карина — не та девушка, что заикается и избегает неловких тем.

— Ты моя лучшая подруга и... В общем... Я давно хотела поделиться... — Подняв на меня взгляд карих глаз, Карина выпалила как на духу. — Я влюбилась.

Оу.

Эм.

Карина. Влюбилась.

Этой девушке присылали цветы и подарки охапками, но

она никогда — серьезно, вообще никогда — не влюблялась. Отшивала всех красиво и безболезненно.

— И кто он? — я осторожно спросила, прижимая полотенце к груди, устраиваясь среди подушек.

— Владелец «Койота», — мечтательно выдохнув, подруга упала рядом и уставилась в потолок пьяным взглядом.

Звучало напряжно.

— Сколько ему лет? — уже зная, что ответ мне не понравится.

— В этом году будет тридцать.

Черт. Вот блин!

Владелец клуба. Тридцать лет. Девятнадцатилетняя танцовщица. Выглядело как начало очередной истории, которую я уже слышала. Очень плохая история.

— Карин... — не знала, как и сказать. — Это большая разница. Еще и владелец... Вдруг он просто хочет, ну...

— Секса? У нас уже все было! И было так хорошо-о-о-о... Он такой нежный... Вообще не больно, Вась... И он сам сказал, что хочет познакомиться с моими друзьями.

О. Боже. Она лишилась с ним девственности. С тридцатилетним владельцем стрип-клуба, в котором работала. Потерев переносицу, я задала вопрос прямо в лоб.

— Вы же предохранялись?

— Ну да, — закатила глаза, будто это был самый глупый вопрос на свете. С каких пор Карина стала такой легкомысленной?

— Карин, тебе девятнадцать. Это в твоих интересах.

— Я знаю, знаю. Но он такой... Вась... — перевернувшись на живот, Карина с мольбой на меня посмотрела. — Можно я вас познакомлю? Если хочешь, приходи со своим Стасом.

Не стала говорить, чем это пахнет. Что взрослые дяди с юными девочками редко заканчивают интрижки свадьбой. Но вот увидеть воочию этого индюка очень захотелось. Как и сказать ему пару ласковых.

— Ладно, — сказала, и в шутку добавила. — Но, если он сделает тебе больно, я его утоплю!

Карина хохотнула, расслабляясь.

— Прямо как русалка из ужастиков?

Мороз прошиб от этого слова.

Русалка.

Песок... Море... И звёзды. Берущие руки и наглый язык, желание...

Сглотнула, прогоняя картинку. Хватит уже! Прекрати!

Пожелав подруге спокойной ночи, я направилась в свою комнату, предчувствия бессонную ночь. На душе было беспокойно, как перед штормом на море.

— Как хоть его зовут? — спросила напоследок у двери, делая вид, что ничего не случилось. Карина в ответ улыбнулась.

— Кирилл Андреевич Воронов. Ну, то есть... просто Кирилл.

Кирилл Воронов, значит. Кивнув на прощание, я вышла из комнаты.

Ночью, лежа в кровати, правда так и не заснула. Крутилась, задыхалась от боли в подушку, а события дня все не отпускали. Стас со своим поцелуем... Карина с любовью в глазах...

Мне надо бы думать о том, что завтра свидание с Комаровым. Но...

Мучали воспоминания, раздирающие душу на части. В кровавые ошметки от мысли о том, что, возможно, я совершила ошибку...

После запретной ночи на пляже я мучалась чувством вины и адским стыдом, с ужасом понимая, что натворила. Позвала взрослого приезжего мужчину на пляж, вырядившись в «голое» платье...

Потребность извиниться и объясниться росла по минутам, я отчаянно искала слова и терзалась угрызениями совести, но ни за завтраком, ни за обедом, ни за ужином не видела виновника своего маленького ада...

Казалось, Бестужев меня избегает...

Глава 5

Василиса

Увы, нет. Он сделал кое-что хуже.

— Как вы могли? — летела по коридору, бросая злые слова в обнаженную спину. — Что вы наделали?! Кто вас просил?!

Ублюдок уговорил деда продать наш отель!

Я шла с побережья домой, когда слышала их голоса на небольшой спортплощадке у моря. Чувство вины и стыда сменилось разъедающим ядом предательства.

Виктор медленно обернулся. Засунул руки в карманы, вопросительно выгнул широкую бровь, пронзив стальным взглядом. А меня так несло! Распирало от обиды, злости и боли!

А еще от неудовлетворенного ночью желания. Боже, как же мне было плохо! Я и не знала, что можно так хотеть отдаться этому... этому!..

В черных легких спортивных, подчеркивающих изгибы тренированных мышц... Напряженного паха... За эти недели я ведь не видела его ни в чем, кроме рубашек и брюк.

Воздуха не хватало от одного вида кубиков пресса, блестящих от пота в свете заката. От рельефной линии V, уходящей под пояс. От надёжных, сжимающих меня этой ночью рук...

Нельзя, Василиса, нельзя...

Теперь уж точно не с ним!

— Я два года объясняла деду, что нужен ремонт! Что нужно переоткрытие! Вы хоть представляете, как это сложно! Я потратила столько сил, достала отца, а вы все разрушили!

Дышать не могла. Перекрыл кислород, тянуло к нему как магнитом... Что он во мне пробудил?! Как я должна была с этим бороться?!

— Почему? — остановилась напротив, с мольбой в голосе прося объяснить.

За что лишил меня дома?!

Его кадык дернулся.

Бестужев прошелся мрачающим взглядом по-моему телу, по собственным отпечаткам губ на плечах, пуская разряды по чувствительной коже.

Боже, как от него пахло... Морем, солью и потом... Мужчиной и солнцем.

— Это лучший вариант из всех возможных, — голос не дрогнул.

Злые слезы текли по щекам, по венам разливался пожар, каждую клеточку тела перекручивало от потребности быть с ним и под ним, а он стоял, не шелохнувшись!

Высокий, красивый, невозможно далекий.

Наверняка с билетами на руках. С билетами в Питер, Вася! Остановись!

— И... все?... — а мой голос дрожал, слезы текли и текли.

— Все, что ты можешь сказать?..

Смотрела заплаканными глазами в глаза, а Витя равнодушно раздирает еще влюблённое в него девичье сердце и хоронит под слоями цинизма единственную маленькую мечту.

Мой собственный дом.

Мой отель.

Моя душа.

— Я могу отдать проектную документацию. И что потом? — взглядом жестокого мерзавца разгульно прошёлся по усыпанному поцелуями телу еще раз, а я сжалась. — Взять с вас денег, уехать? Что вы будете делать дальше? Ты хоть видела сметы?

Нет, Вася, нет...

Ты не предложишь себя.

Ты никому никогда себя не предложишь!

— Видела! — голос сорвался, но я не сдавалась, сжав кулаки. — Я нашла конкурс с госфинансированием! Мы можем стать культурным наследием, можем найти инвестора, нам помогут! Пожалуйста, отговорите деда! Пожалуйста!

К моим мольбам он оставался равнодушен.

— И кто поедет выбивать грант? Твой дед и десяти минут не протянет.

— Но есть я...

— А ты и пяти.

Вот и поговорили.

Он учащенно дышал. А я плакала.

— Я п-под...готовлюсь... — прижав ладони к мокрым щекам, умирала, коленки тряслись, а он просто стоял и чеканил.

— Через год? Или два? К тому моменту здесь всё развалится без консервации. Конкуренты за землю устроят поджог. Или вас лишат собственности, а это всё выставят на торги за копейки. Смирись. Твои дед с бабкой потеряли наследство.

— Что сделает новый хозяин? — беззвучно прошелестела, глядя под ноги. В голове крутились картинки, одна страшнее другой.

Экскаваторы.

Бульдозеры.

Всё превращается в пыль.

— Чёрт, Василиса... — его голос дрогнул. Впервые.

— Что делают такие, как вы? — я подняла заплаканные глаза на красивое, жестокое лицо человека, который все уничтожил, а не спас. — Кому нужна только выгода?

— Снесёт всё под ноль? — провёл рукой по волосам и выглядел вдруг растерянным. Не таким, как всегда. Неуверенным. — Я не знаю! Построит апарт-отель, клуб или аквапарк... Проведёт анализ, выберет то, что выгоднее!

Аквапарк. Или клуб.

А на месте моей спальни заделают туалет? А вместо виноградников забетонируют всё под парковку? А побережье? Что будет с морем? С местом, где он целовал меня?

Все рухнуло.

В бездну.

Сил не осталось. Хотелось забыться и раствориться. На одну ночь почувствовать себя нужной, не брошенной...

Дыша через рот, Виктор пристально смотрел на меня, словно держась за остатки самоконтроля.

— Поцелуешь меня? — прошептала, комкая подол короткого сарафана. — Ещё раз...

И ничего. Он так и не двинулся с места.

Вася-Вася...

— Пожалуйста, — глотая слезы, сама себя предлагала тому, кому, видимо, была не нужна.

Зачем я вообще родилась?! Если никому не нужна?!

Чувствуя униженной, упавшей на самое дно, обняла себя крепко за талию и успела только развернуться, чтобы уйти.

Жесткая хватка. Спина впечаталась в стену, перед лицом промелькнуло его — полное... злости? Отчаяния? Горящих одержимостью глаз?

Я знала только одно: больше его не увижу... Да и не встречу такого. Куда мне? Из деревушки в невесты к мужчине с обложки Форбс? Столичному бизнесмену?

— Ты... как грёбаное... наваждение, — рваным выдохом в губы, запечатал слова поцелуем.

Накрыл широкой ладонью шею. Скользнул на затылок, вцепившись кулаком в волосы, дернул вниз. Завладел моим ртом.

Твёрдый язык скользил глубоко, сплетаясь с моим... Поднялась на носки, обвила его шею, прижалась всем телом, а сердце сходило с ума, умирая и воскресая...

Умирая. И воскресая.

И снова, как ночью, крепкие бёдра. Эрекция. Аромат помешательства... Солёное возбуждение, которое он вкачивал в мое тело, целуя. Абсолютно лишая рассудка, подчиняя и увлекая.

Мокро.

И пошло.

И грязно.

Застонала, не в силах стоять на ногах.

Резко разорвав поцелуй, Бестужев убил взглядом.

Его зрачки почернели, дыхание рвало грудь... Я чувствовала его. Твёрдого, большого, готового...

Пауза затянулась.

Коридор наполнился тьмой.

И ароматом грозы.

Стобалльная буря по десятибалльной шкале.

Шаровые молнии вокруг нас.

А потом резко схватил под коленкой, закинул ногу на свою талию и толкнулся. *Боже...*

Не разрывая зрительного контакта, медленно задрал подол сарафана. Огладил бедро горячей ладонью.

Грянул гром.

Умелые пальцы рванули завязки бикини. Я осталась без

трусиков, сжавшись.

— Смотри на меня, — зафиксировал мой подбородок, другой рукой скользнул по влажной промежности.

Затапливало огнем... пока все вокруг заливало южным дождем, мы горели...

В темноте языком скользнул по губам, когда пальцы раздвинули припухшие мокрые складочки... Дышал, как загнанный зверь. А я совсем не дышала.

Хотелось одновременно бежать и прижаться..... Расцарапать мокрую спину.

Он чувствовал это, я знала. По тому, как сжал подбородок сильнее, как дышал, когда большим пальцем накрыл чувственный бугорок и медленно закружил.

Боже, это было... было...

— Только... — смотрела в безумные глаза и боялась.

Я всегда боялась боли.

Боялась, что меня кто-то сломает.

Но сейчас я боялась, что он остановится.

— Можешь быть нежным? Ладно?

Время остановилось. Слышала стук своего сердца... Гулко, испуганно и отчаянно.

— Чёрт... — прошипел. — Твою мать, Василиса... Твою мать!

Засадив кулаком в стену рядом с моей головой, впился в губы отчаянным поцелуем.

Правда ли Витя такой хороший и решил помочь или все это часть тщательно спланированной игры на нервах юной Васи?

Пожалуйста, не забывайте поставить звездочку роману, если читаете. Для книги это очень важно

Глава 6

Василиса

— Хочу тебя... — подхватив под ягодицами, Витя подкинул и усадил на себя.

Сумасшествием с первого взгляда... Целовались, впивались друг в друга губами, языками, зубами... Срывали одежду, не глядя. Сарафан, мой купальник, его штаны и боксеры...

След из вещей вёл в его спальню.

К широкой двуспальной кровати.

По коже струились ручейки пота.

За распахнутым окном старого люкса во всю бушевал ураган, шторы металась, как в лихорадке. В комнату залетали крупные капли дождя.

— Одна ночь?.. — я осторожно спросила, обводя обнаженные плечи пальчиками.

— Одна ночь.

Упав на постель, не могли перестать трогать друг друга. Мои стопы упирались в матрас, колени широко друг от друга... Раскаленный пульсирующий член коснулся раскрытой промежности. Заскользил, растирая влагу по трепещущей коже...

Горячо-о... и... так... что все мое... существо стремилось к нему...

Выгнулась навстречу, когда потерялся в каком-то очень правильном месте, рассылая по телу горячие волны сладкого удовольствия.

Его рука под спиной, рывок и подушки... Я лежала на животе. Всё плыло. Выходило только дышать запахом секса. Отдаваться...

Затрясло, когда Витя языком поймал каплю на моей спине. Обводил позвонки, выцеловывая мириады колючих мурашек... И ниже. А между бедер давно было мокро.

— В-и-ить... — в беспамятстве прошептала в подушку. Между ног разливался невыносимый пожар. Его язык довел до конвульсий, лаская по поясничке.

Мокрые.

Оба.

Дождь, пот, соль и желание. Грубые руки смяли мои ягодичи... И все... Просто все. Я громко застонала.

Пробирало.

По ногам потекло...

— Пожалуйста... пожалуйста, пож...

— Подними бедра... — послушалась, а Витя скользнул рукой под живот. Накрыв широкой ладонью промежность. Погладил, раскрыл и начал ласкать, совсем неглубоко проникая.

А я только и делала, что просила...

Поддалась попой назад, на его пальцы...

Он толкнулся сильнее, двумя. Еще... и еще...

— Д-да... — насаживалась сама. — Пожалуйста...

— Какая у меня сегодня послушная девочка, — хмыкнул, накрыл своим телом, прижавшись грудью к спине, продолжая растягивать меня пальцами.

Мы двигались так, словно уже занимались горячим сексом... Сжималась, внутри все дико пульсировало, предвещающая первый в жизни оргазм... Сейчас, сейчас...

А он убрал руку!

— Посмотри на себя, — приказал, обхватил мое горло.

С трудом фокусируясь на реальности, а не на собственных болезненных, ноющих ощущениях, поймала отражение в темном окне.

Перестала дышать.

Сердце остановилось.

В окне была я. Прижатая животом к белоснежной кровати. С разметавшимися волосами и поднятой попой, прижимающейся к его плоскому животу... Дрожащая, распластанная, на грани оргазма. Поза, полная подчинения.

А надо мной возвышался обнаженный крупный мужчина, держащий за шею.

— Тебе идет быть послушной, — усмешка украсила порочные губы. — Раздвинь для меня ножки пошире, — тихо.

Подложил подушку мне под живот. Головка члена прижалась там, где неутолённо ныло, и заскользила. Все это я видела в отражении... Господи, я даже не контролировала собственное тело, которое молило о продолжении, выгибаясь на

встречу.

Помутнение.

Головокружение...

Картинка начала крениться, так коротко я дышала...

Сердце зашлось в ожидании неминуемой боли.

— Смотри, — отпустив мою шею, Витя сжал сам себя за моей спиной. Между моих разведённых ног... Наверное, развратнее было некуда.

Медленно.

Неумолимо.

Гладил по попке, придерживал. Входил раздвигая, заполняя, растягивая. До боли. Неописуемой, горячей, пронзительной боли, перемешанной с возбуждением, страхом, адреналином... А его взгляд в этот миг... Чернящий, сверкающий, ярче молнии в отражении.

Задышалась от нахлынувших ощущений... Боже, Бо-о-ж-е-е-е-е...

— Дыши, Василиса, — низкий и хриплый, совсем на пределе.

Твою мать! Внутри все горело! Каждый его сантиметр! В глазах потемнело. Я даже не поняла...

— Уже всё, малышка, — выдохнул, замирая. — Всё.

Все?.. Да я даже пошевелиться не могла, ощущая в себе крепкий член!

— Больно, Вить... — капризно проревела в подушку. — Я не хочу-у-у....

— Сейчас все пройдёт, — теплая рука погладила мокрую спину, скользнула на голову, запуталась в моих волосах. Бестужев давал мне привыкнуть и подышать.

А потом начал двигаться.

Медленно...

Плавно...

— Ох... — подавилась слюной.

Тихий смешок.

— Уже хорошо?

— Да-а... — совсем чуть-чуть подаваясь навстречу. С хлопаяющим звуком.

Член между моих ног. Охренеть, Василиса... Охренеть!

Кажется, я выдала это в голос на новом толчке и весьма эмоционально.

— Напомни мне вымыть твой рот с мылом, — сорвался на смех от моих словесных попыток описать ощущения.

Не успела ни вздохнуть, ни возразить, ни понять... Мне в рот затолкали край одеяла!

— Иначе я не сдержусь, — весело. И так мощно вошел, что я оху*ла!

Я в жизни не думала матом!

Грохнул гром.

Витя двигался. Еще, еще и еще. С оттяжкой, с таким наслаждением! Распахнулись глаза...

Стыдно, мне должно было быть очень и очень стыдно! Где поцелуй? Где «лицом к лицу» и лепестки роз? О таком пер-

вом разе не расскажешь подружкам...

Меня брали как... как... уложив на живот и задрав кверху задницей... Но, Господи, как хорошо...

От его развязной самоуверенности и похабных сжиманий моей пятой точки, когда находился внутри, отлетала... О стыде и подружках можно было забыть.

Выгибалась, стонала, от мужского дыхания и хриплых стонов над головой теряла себя... Дышать не могла.

Соль на губах. Даже не поняла, почему плакала... Мельком в отражении...

Не знаю, что Витя увидел, но вдруг резко замер.

Секунда.

— Черт... — судорожно. — Иди ко мне, крошка, — вышел, помог лечь мне на спину. Мягко, держа себя в кулаке, вставил еще раз.

— Так лучше? — переплел наши пальцы у моей головы.

А я даже сказать ничего не могла!

Разведённые ноги дрожали, в животе текла лава, сладкая боль измучила тело, меня колотило...

Теперь его член двигался медленнее... Чувственные мокрые поцелуи, на которые едва могла отвечать, подводили к самую краю.

Член и язык глубоко... Так близко... Так глубоко.

Еще.

И еще.

И еще.

Выгнувшись, с немым криком обхватила мужчину ногами, ощущая запредельную твердость внутри...

— Давай, малышка, — с хлюпающим звуком. — Вот так...

Сквозь туман... Чувствовала под ладонями напряженную спину, бедрами — его покрытые потом бедра, ладонь в крепкой ладони... Взлетала, нечего, не соображая... Мир вокруг запульсировал горячо, бесконечно и сладко.

Пара грубых рывков в мое дрожащее тело... Подмяв меня под себя, мой первый мужчина просто кончил в презерватив.

А потом оттолкнулся, грубо вышел и встал.

Когда я с трудом шевельнулась и открыла глаза, все еще не в состоянии отойти от нирваны, Витя уже натянул штаны на голое тело и печатал что-то в телефоне.

Совсем ничего не понимала.

— *Вить?*..

Нет ответ. Хлопнула дверь.

За окном и в номере стало тихо.

Свернувшись в клубок, я обхватила себя руками, а слёзы снова потекли сами. Внутри надсадно заныло.

Приглашаю в мой ТГ-канал: твой автор, Лисса Джонс

Не забывайте поставить звездочку после прочтения и добавить книгу в библиотеку, чтобы не потерять

Глава 7

Василиса

Вот и все.

Гроза отгремела.

Первый секс закончился очередным одиночеством.

С трудом встав с кровати, укуталась в пододеяльник и побрела в коридор. Меньше всего хотелось застать его возвращение и услышать «Ты ещё здесь?»

Подобрав верх и низ от купальника, наткнулась на идеальный пресс. Виктор Бестужев собственной персоной стоял посреди коридора.

— Что ты делаешь?

— Я... — сглотнула, невольно впиваясь глазами в широкую грудь.

— Боишься, что дед увидит? — в два шага сократил расстояние, подцепил подбородок, заставляя поднять глаза. — Что за слёзы? И почему из номера вышла?

Большим пальцем нежно провёл по щеке.

Оторопела от его тараканов. И от собсвенных болезненных ощущений, не физических, а тех, что мощнее.

— Я вышла? Ты... это же ты молча ушёл. Взял телефон и хлопнул дверью! — мы были в блоке отеля, где дедушка не ходил по ночам, поэтому не сдержалась. Сердечко и без того барахлило.

— А, это, — легко усмехнулся. — Не воспринимай на свой счёт.

Ч-чего? Это у него в порядке вещей что ли?

— Ты что делаешь?! — шокировано завизжала, не успев возразить. Витя подхватил меня на руки и потопал обратно в номер. — Я хотела уйти!

— Ночь ещё не закончилась, Василиса, — улыбался, прижимая к себе. В расплавленном свинцовом взгляде плясали черти.

Как быстро я загоралась рядом с ним...

— У меня там всё болит, — попыталась вывернуться, но безуспешно.

— Сейчас вылечим, — кончиком носа потерся о мою надутую щеку. — Что насчёт позднего ужина? — посадил на постель. — Клубника? Бананы? В холодильнике полно фруктов с вашего рынка.

— Вить... Ты ушёл. Ты лишил меня девственности и просто... молча ушёл через пять минут. А теперь предлагаешь поесть клубнику? — так и хотелось спросить: «У тебя с головой все в порядке»?

— Позвонить по работе, — отошёл, доставая из мини-бара фрукты и бутылку розового шампанского. — Ты же видела, я взял телефон.

— В десять вечера?

— Не на всей планете сейчас вечер, — объяснял как ребёнку. — У меня есть заказчики в разных часовых поясах.

Обычно с ними общается ассистент, но он в отпуске. Команда по зарубежным коммуникациям находится в России, у них тоже вечер. А мне нужен был этот звонок. Ты уверена, что хочешь обсудить мою работу? — стоял ко мне спиной.

Опозориться сильнее было нельзя. Но у меня получилось. После истерик во время секса я устроила сцену ревности и допрос.

Десять из десяти.

— Ты... ну, знаешь, мог бы сказать, — тихо-тихо, нервно крутя пододеяльник, я сжалась от неловкости и стыда.

— Я не привык к такому. Обычно женщины, с которыми я... — резко осекся.

Полоснувшее по измученному за прошедшие сутки сердцу слово повисло в темноте комнаты. Господи, я не должна... не должна это спрашивать...

— Женщины? Их много?

— Мне двадцать восемь, — развернулся с бутылкой в руках. Все та же улыбка, мягкий прищур. — Ты ведь не думала, что я тоже только что был с девушкой первый раз?

Шампанское хлопнуло.

Звук отозвался спазмом у меня в животе. В тишине я зачарованно наблюдала за неторопливыми действиями мужчины, впервые получив шанс рассмотреть его по-настоящему.

Кроме надписи на шее, правую руку украшала тонкая татуировка из нескольких разных рисунков. Я уже видела часть под рубашками, когда он закатывал рукава. Но сейчас

лицезрела причудливое сочетание надписей, тонких линий, спускающегося с плеча к сгибу локтя гепарда...

Настоящее полотно. Искусство живописи на его теле.

— Иди ко мне, Василиса, — томный бархатный голос вывел из задумчивости.

Витя расслабленно устроился на широком диване. Рядом с ним красовался поднос с фруктами и шампанским.

— У меня правда болит, — слова царапнули пересохшее горло.

Граница спортивных штанов манила потрогать там, где сейчас виднелся бугор. Я ведь так и не прикоснулась к нему... Смутно поняла, что я почти все время только и делала, что позволяла.

— Просто посиди сверху. Я не буду тебя трахать, — шумного сглотнув.

Спустя несколько секунд, не в силах сражаться с клубящимся похотью темнеющим взглядом, кутаясь в пододеяльник, я встала. Остановившись напротив мужчины, застыла.

Откровенно темная, неподвластная мне энергетика разрушала барьер за барьером...

Нездоровое притяжение... туманило...

Поддавшись вперед, не разрывая гипнотического контакта, Витя освободил от укрывающей тело ткани. Кожу обдало ознобом от голодного взгляда, с удовольствием изучающего изгибы и собственные следы.

Одурманенная, дрожала. Высекая мириады мурашек, го-

рячая рука легла на бедро и поползла выше по талии...

Внутри все горело и саднило, плавилось и раскалялось, стоило оказаться в зоне его досягаемости.

Раскрытые губы прижались к моему животу, распалая...

— Ты... — до боли впиваясь ноготочками в собственные ладони. — Обещал...

— Я просто тебя поцелую.

— Я очень стесняюсь... надо в душ... и... — накрыв руками моя ягодицы, со зловещей ухмылкой Витя посмотрел прямо в глаза.

— *Next time, I'll eat you out until you forget your own name... I'll come inside you, Vasilisa... And I won't let you leave the bed until my cum is still inside you**.

Английский был для меня чужим, непонятным, но его голос... Низкий, хриплый, немного угрожающий... Отдавался вибрацией прямо в груди, заставляя наивное сердце биться быстрее.

— У нас в школе английский был только для галочки... Я не понимаю.

— Я сказал, что ты идеальна. И я хочу тебя покормить, — быстро избавившись от штанов, похлопал себя по бедру. — Спиной ко мне.

Неловко развернувшись, чуть не умерла в очередной раз, когда сильные руки, устав от неловких попыток, дернули вверх по его телу и прижали к твердой груди.

Член оказался у меня между бедер. Блестящая головка

нежно раздвигала припухшие складочки, даря небесное мягкое наслаждение.

Ох...

Одной рукой Витя крепко держал за талию.

— Открой рот, — второй поднёс клубнику к губам. — И потрогай меня. Тебе же самой хочется.

— Вить... — во рту растаял вкус спелой ягоды. А я, будто в трансе, чуть шире развела ноги, упираясь носочками в пол. Аккуратно сжала пальчиками подрагивающий член, ласкающий меня *там*случайными касаниями.

Боже...

— Да, вот так... — судя по соку и сладости, теперь у моих губ был персик.

Не понимая, что творю, прижимала его длину к мокрой промежности. Тёрлась. Откинув голову на мужское плечо, послушно выполняла всё, что он говорил.

— А теперь запей, — холодные пузырьки защипали на кусанных губах.

Мне было горячо, небесно и сладко. Раскалённый, пульсирующий, ощущавшийся ну правда большим член тёрся о клитор, пока на языке растекалось шампанское.

— Русалочка попалась, значит, да? — прикусил моё ухо, дразня.

— Смотри, как бы ты не попал, — не раскрывая глаз, задыхаясь от нахлынувших ощущений, я легко укусила его за палец в ответ. — Ты меня теперь не забудешь...

— Мм... — видимо, решив отправить меня в натуральный обморок, Бестужев откинул мои волосы на бок, оголив шею. Начал медленно целовать позвонки, один за другим, горячо, влажно, не торопясь.

— Вить... у тебя никого... сейчас? Мы не делаем ничего... плохого?

— Никого.

Выгибалась под его губами, теряя нить мыслей.

— А просьбу... можно?

— Попробуй, — голос вибрировал у моей шеи.

— Пожалуйста... отговори... — жадные руки накрыли и смяли грудь. Пальцы были липкими от сладкого сока персиков, как и наши губы. — ... Деда продавать отель.

Не ответил. Подтянул меня выше... Головка члена, которая скользила по складочкам, теперь находилась прямо у входа...

— Я осторожно, — выдохнул в шею, и обхватил мои ноги под коленками, отрывая от пола.

Мягко толкнулся внутрь, наполняя.

Не больно...

Не резко...

Медленно.

Нежно.

Так, что я всхлипнула...

— Не больно? — едва слышно.

— Не-е-ет...

Дыхание сбилось, пульс участился. Так медленно и по-медовому... Как мечтала в самых сокровенных фантазиях с кем-то, кто всегда оставался в тени...

Каждый толчок в мое тело отдавался теплом в животе, поднимался выше, к самом сердцу, к звёздам под веками.

— Зачем он тебе? — не останавливаясь, и я могла только тихо постанывать. — Отель, крошка...

— У меня больше нет дома, — сжималась, бесстыже текла, пока он продолжал держать мои ноги.

— Ты всю жизнь здесь росла? — сбито дыша, прижимаясь губами в виску.

— До пятнадцати... с мамой и отчимом в Краснодаре. Но... Я там лишняя. А здесь...

— Кроме шато... что насчёт друзей? Парня? — низким, хриплым, задушенным.

— Я бы не была тут, будь у меня парень, — тихо. — Если вы вместе, то... вместе.

Глубже, мощнее.

Теряла себя в совместной пульсации...

Мир сузился до мужского дыхания и волшебного наслаждения, взрывающегося внутри... А Витя резко вышел, хватил себя рукой, провёл по стволу несколько раз, и горячие капли упали мне на живот...

С трудом поняла, что он меня обманул.

И что мы зашли далеко, не предохраняясь...

И что я очень хотела спросить про отца...

Но обессиленная, я вырубилась у него на руках.

Открыв глаза, увидела Витю, сидящего в кресле напротив кровати. Влажные волосы маняще блестели, рубашка подчеркивала контуры плеч, а брюки, как обычно, сидели на нем превосходно.

Судя по свету за окном, было раннее утро. Судя по открытому ноутбуку, он уже успел поработать.

— Привет, — сонно улыбнувшись, никак не могла отогнать предчувствие, название которому не находила. Ночь ведь прошла, а я все еще тут, в его раскуроченной постели. Жаль только, что без него.

Помолчав, Бестужев закинул ногу на ногу, откинулся на спинку и огорошил.

— Поехали со мной, Василиса.

Бескомпромиссно. Без «доброго утра».

— Куда? На экскурсию по Геленджику? — весело фыркнула.

— Куда придётся, — улыбнувшись краешком губ, сверкнул глазами, как дьявол. — Я не живу в одном месте.

Осталось совсем немного воспоминаний и южная часть подойдет к финалу))

Что сказал Витя: В следующий раз я буду вылизывать тебя, пока ты не забудешь свое имя. А после я кончу в тебя, Василиса. И не позволю встать с кровати, пока моя сперма

будет внутри тебя.

Глава 8

Василиса

— У меня есть проекты в Эмиратах, пара в Германии, — будто между делом, продолжал объяснять. — Полетаешь со мной. Обещаю, скучно не будет.

Сев на кровати, я затаила дыхание. Пульс дал осечку, тепло разливалось в груди, глаза щипало от счастья.

В тот момент... ох, я ведь готова была куда угодно за ним идти, не понимая, что именно он предлагает...

— В твоём возрасте тут нечего делать. Это просто деревня, — Бестужев мастерски контролировал мимику, но, к счастью, увидела промелькнувшее в красивом лице презрение.

Просто деревня.

Сначала я попыталась убедить себя в том, что мне показалось. Что убудочность просто мелькнула, не задержавшись. Что я все еще сплю.

— Ты... — с колотящимся от счастья сердечком я доверчиво улыбнулась. — Правда это говоришь? Не шутишь?

— Не шучу.

— Как твоя... — облизнув вмиг пересохшие губы, боялась и мечтала услышать ответ. — Девушка?

Хорошо, хоть на шею не бросилась.

Между нами повисла та самая тишина.

Та, что бывает перед ядерным взрывом.

Перед тем, как палач, смотря на наивную жертву, заносит топор.

Смерив тяжелым, прибывающим сердце к груди взглядом, Витя даже не выдохнул. Не сменил позу, не попытался смягчить...

— Я не завожу отношения в твоём понимании. Но мы будем спать. Много и долго, Василиса. Как, сколько и где я захочу.

Вот так и умирают хорошие девочки.

Мы будем спать, Василиса.

... болезненно хрустнули ребра... кажется, я прижала руки к груди... смертельный холод по венам...

Вот и все, Василиса.

Подвох должен был где-то быть. Сказка закончилась. Ты не принцесса. Рядом не будет ни принца, ни рыцаря.

Надо было набраться смелости и озвучить.

— Предлагаешь стать твоей шлюхой? — я тоже не отводила взгляд, когда тихо переспросила, теряясь перед равнодушным мужчиной.

— Любовницей.

— Содержанкой.

Нет ответа.

Как ни назови, смысл понятен.

Стоило только на секунду поверить, что хоть кому-то я могу быть нужна! Дура-дура-дура! Набитая дура!

Никогда больше... Никогда. Хотелось сжаться в комок,

рассказать маме. Хотелось хоть с кем-то поделиться душевной болью, но могла только вцепиться в посильнее в матрас, на котором сидела.

И проглотить слезы.

— А я ведь правда думала, что ты... — горло сдавило. Дыши, Василиса. Подумаешь, просто ошибка...

— Что? — улыбнулся. Прямо как ночью. Жестоко, за что так жестоко? — Что я *«что»*?

— Я не видела тебя с местными женщинами, — тихо и честно. Ведь кроме него рядом со мной никого не было. Последний шанс раскрыть перед кем-то душу. А после я захлопну ее навсегда.

— Ты не шатался по барам, не таскался за юбками, не пялился на отдыхающих... Я думала, что ты, может быть... другой, — тыльной стороной ладони стерла слезу.

— Другой? Василиса, я просто избирателен в связях, назовём это так, — не могла разобрать, что звучало в насмешливом голосе. — У меня есть несколько... женщин, с которыми я предпочитаю проводить время и впускать в личное пространство.

Тупая наивная малолетка! Я же вчера еще от его «женщин» почувствовала неладное! Но верила, что он весь такой хоро-о-о-оший! Что раз не таскается за каждой юбкой — порядочный!

А для него местные просто плохи?! Не дотягивают? Он у нас слишком «избирателен» для болота?

А мне, значит, выпала честь!

— И сколько их? — вставая, запуталась в простыни, схватила за край, прожгла его ненавидящим взглядом.

— Какая разница? — будто мы обсуждали погоду!

— Большая! Может мне надо было попросить справку о твоём здоровье, а?!

— Пара в Берлине, в Дубае и Абу-Даби, — сидя в кресле смотрел как на диковинного зверька! — Я же говорю, я не сплю с кем попало.

Земля из-под ног уходила... Сердце на части рвалось на живую!

— Василиса, я даю тебе шанс...

— Шанс?! — меня прорвало. — Бросить деда и развлекать тебя в поездках, соревнуясь с профессиональными шлюхами?! Занять вакантное место в Питере?! Жить своей жизнью, но когда ты туда приезжаешь — раздвигать ноги по щелчку пальцев?!

— Да. Жить своей жизнью, — он сделал паузу, — просто без других мужчин. Первое время летать...

— И все твои шлюхи такие верные?!

— Считаю, у тебя эксклюзивный контракт, — вставая на ноги, поправил манжет. — Детали обсудим. Теперь собирайся.

Оторопев, не двигалась с места. Эксклюзивный контракт! Говорил так, будто делал мне одолжение!

В ножки поклоняться за возможность ним спать?!!

— Ты же не поговоришь с дедом, да? — процедила сквозь зубы, содрогаясь от злости и боли всем телом. А Бестужев медленно наступал, в глаза торжествовала победа.

— И не отдашь проект? — задыхалась от просочившегося сквозь поры аромата ментола и ледяного одеколона.

— Я сказал твоему деду, что шато нужно продать, — не церемонясь, положил руку на талию, сжимая простынь в охапку. — Тогда он избавит единственную внучку от кучи дерьмовых людей и проблем. И угрозы. Кто знает, как застройщики из Москвы получают земли?

— Ты его напугал, — прошептала, трясаясь от гнева и сокрушительной похоти в черноте мужских глаз.

— Представляешь, после продажи он сможет накопить на безбедную старость и похороны, — голос стал ниже и тише. — Оплатить твоё проживание в Питере.

— Какие ещё пох... — и тут до неё дошло. — Я не подавала ещё документы! — хотелось толкнуть, но не решалась дотронуться, невольно отступая назад. — В задницу твой Питер!

— Подавала, — загнав в ловушку из стены и своего тела, Витя покровительственно погладил щеку, все ещё не отпуская мой бок. — Тебя зачислили в первых рядах. Поздравляю. Боже, помоги мне... Он подавлял. Высасывал волю к сопротивлению.

— Если откажешься от бюджета, — угрожающе тихо, — есть риски больше не поступить. Как дед будет разочарован,

если не поступишь, — издевался.

— Я подам документы в Москву, — хватаясь за мысль как за соломинку. — Казань, Екатеринбург, Саратов...

— Ты точно хочешь со мной воевать? — горячее дыхание обожгло щеку, губы двигались у моей влажной от дикого страха коже. — М, Василиса? Либо Питер, либо ничего. Я могу долго играть в эту забавную игру, но тебе повезло.

Запредельно и слишком близко...

Возбуждение клубилось вокруг, воздух вибрировал, Витя цедил пропитанные сексом слова, а я смотрела на подрагивающий кадык. Волны жара и холода обдавали мокрую спину.

— Пока я хочу тебя как проклятый. Я хочу, чтобы ты прыгала на моем члене после каждой встречи, с которой я буду возвращаться не в духе. Хочу видеть твой рот, каждую ночь занятый мной или кляпом. Я хочу видеть тебя в своей кровати, голую, залитую моей спермой и не способную свести ноги, — произнес на чистейшем русском.

Боже, его трясло, дышал через раз, вливая в мою юную голову свою больную фантазию...

— Поэтому просто собирай чемодан, — выдохнув шумно мне в волосы, — забудем про этот разговор и поехали.

Секунда.

Две.

Три.

— *Уходи.*

Шумно втянув воздух над моей головой, Витя хмыкнул в

макушку. И резко оттолкнулся от стены, отпустив.

— Хорошо, — как ни в чем не бывало, вежливо улыбнулся, демонстрируя зубы. — Увидимся, Василиса.

А я все еще не могла отойти от того потока откровений, что он обрушил на мою голову. Закрыв глаза и прижавшись к стене, пыталась дышать.

— Я не буду удалять проект твоего шато с ноутбука, — услышала после щедчка дверной ручки. — По моим подсчётам, у тебя есть три года, чтобы выкупить его и попробовать получить грант на восстановление. После трёх лет простоя всё рухнет.

Пауза.

Тишина.

— С Днем рождения, Василиса. Не забудь выпить противозачаточное.

Удаляющиеся шаги.

И новые слезы.

Пожалуйста, не забываяте поставить звездочку истории, если читаете.

Вот такая красота для последней южной главы) Ну, и вот такой у нас Виктор Александрович на деле))

Глава 9

Наши дни

ОАЭ, Дубай, район Business Bay

Виктор

Я осушил бокал в пару глотков.

Расслабил манжеты.

Расстегнул ворот рубашки.

Не помогло.

Мозги плавились от воспоминаний недавних событий, отправляя в долбаный ад. Хреновый конец хреновой истории. А самое хреновое — я вернулся к тому, с чего начинал.

Чёрная вода Дубай-канала задрожала от пустынного ветра. Стекланные башни сверкали огнями, как и весь город, погруженный в южную ночь.

Ни вид любимого города, ни японский виски не помогали.

Вернувшись в кресло, взял телефон, на экране которого было открыто фото.

Самый большой красный флаг.

Сирена.

Долбаный SOS, по звуку которого должны выехать санитары.

С экрана палило южное солнце, а она лежала в песке на животе, покачивая согнутыми в коленках ногами, и сладко дремала.

За два года... После всех женщин и, тем более, после Алины... Казалось бы, я должен забыть это чудо. Но нет.

Все стало в десять раз хуже. Гештальт, который давно надо было закрыть, не хотел поддаваться.

Просто ж фото. А в легкие ударил аромат персиков. Два года, су-у-ука, два года... Впервые позволил себе вспомнить.

Позволил.

Себе.

Слабость.

Откинувшись на спинку, закрыл глаза, воскрешая в памяти свою маленькую музу. Помнил, как сладко стонала.

Чувственная...

Ума приложить не мог как это вышло, но Василиса была самой чувственной и отзывчивой женщиной, которая у меня была. Ни одна купленная за бабки так не отдавалась процессу.

Женщина... Смешно.

Совсем еще девочка... А я уже тогда нарушил все свои принципы ради нее. Один за одним. Нарушал-нарушал-нарушал.

Наивная? Плевать.

Влюбленная? Переживет.

Слишком юная? Первый, первый, бл*!

Непокорная? Так даже лучше.

Не принимающая мой образ жизни? Исправим.

Все это должно было стать фактором-стоп, а я находил

новые и новые аргументы «за» вместо «против».

Черт... Даже сейчас мог воспроизвести тот июнь отчетливо. По минутам...

Жарило солнце. Воздух дрожал над раскалённой землёй. После обхода обшарпанного то ли кирпичного замка, то ли сарая позапрошлого века, который они с гордостью называли «отелем», я решил проветрить голову.

Я приехал туда не за этим.

В тот год мы подписали контракт с ArtGames. Мне нужен был концепт подводного мира для будущего хита игровой индустрии — «Атлантида» рождалась в набросках, и я искал что-то новое.

Разрывное.

Такое, от чего у игроков перехватит дыхание.

Как нельзя кстати всплыл Николай со своей просьбой.

Её отец был питерским рэкетиром со своей бандой в девяностые. В свое время помогал моему отцу и многим интересным людям с землёй. Трахал баб налево и направо. После несчастной разборки и удара по голове почти ослеп. Проводил старость в тихом доме в Анапе.

Василиса даже не подозревала, как близко «ее папа».

Николай Астахов связался со мной и выдал про дочку, которой хотел помочь.

Показал ее фото с такой гордостью, будто это был единственный ценный трофей за всю его жизнь.

Василиса.

Идеальные изгибы.

Белокурые волосы.

От нее веяло дикостью и такой необузданностью, что прошибло с одной фотографии. Завис, держа в руках снимок. То, что мне нужно... Для вдохновения.

Дикий секс на берегу моря, и я выдам ArtGames их Атлантиду. Да, тогда я решил, что трахну ее для вдохновения.

Старый хрен, очевидно, почуял отцовским, не до конца атрофировавшимся инстинктом, что хочу сделать с его девочкой.

— Ей шестнадцать, — отрезал без объяснений.

Закрутил первую гайку в строящийся механизм моей одержимости.

Я же буквально себя останавливал от грязных мыслей на ее счет.

Смотрел и не понимал, какого черта со мной не так. А потом вечер ее Дня рождения.

«Мне восемнадцать... Я ни с кем еще по-настоящему не целовалась...»

Старый ублюдок, решивший поиграть в заботливого отца...

Только вот целовалась Василиса так, что мой гениальный мозг заискрил. Она позволяла. Все. Абсолютно. Раздвинула ножки, притянула за волосы... Обнимала, открывала послушно губы...

Проснувшись звериные инстинкты. Взять на песке и тра-

хоть-трахать-трахать...

Как только остановился?

А потом ее первое «нет».

Моя маленькая игра на ее неокрепших нервах. Пока девочка страдала угрызениями совести, купил фруктов, таблеток экстренной контрацепции и нормального шампанского. Собирался кончать в Василисушку всю ночь.

Вытравить ебучее ощущение из себя и забыть.

И снова ебучие нет, нет и нет.

«Мне больно.»

Слезы.

«Хочу нежно...»

«Стесняюсь...»

Ни одного раза так как мне было нужно, чтобы успокоить взбесившееся животное изнутри.

Все сделал чтобы не было причин отказать.

Ни друзей, ни первой любви, ни планов на будущее. Отель на грани развала. Ей не за что было держаться. Ни одной точки опоры. Все просчитал.

И где я, мать вашу, так просчитался?

Два года. Как можно держаться за наивную, далекую от реальности мечту два долбанных года?

— Виктор Александрович? — за спиной послышался голос ассистента, а следом шаги в кабинет. — Ответ нужен сегодня. Осталось пара часов.

Передо мной ее фото.

У Саши в руках контракт на вторую часть «Атлантиды».

Проблема была в том, что уже месяц я не мог выдать концепт, хоть приблизительно похожий на мир, что создал, находясь рядом с ней.

— Еще не поздно позвонить и все исправить, — спокойно произнес мой помощник, намекая на то, что я облажался.

— Исправить? — развернувшись в офисном кресле, столкнулся с внимательным взглядом.

— Кирилл наверняка сможет все объяснить.

В тг выложила фото реального места, ставшего прототипом Васиного шато. В выходные раскрою явки и пароли)) Забегайте ;)

История ближе, чем нам кажется))

Глава 10

Виктор

— Не хочу слышать это имя.

— Простите, — ослабив галстук, Саша сел в кресло напротив.

Мы оба знали, что он не уйдет без подписи. Отказываться от второй части проекта — чистейший идиотизм. Но Саша в курсе ситуации с Киром и с моим периодически откровенно посылающим всех в далёкое эротическое вдохновением.

Интересно, я могу предложить ему доставить человека в Эмираты бандеролью? А еще интереснее, в какой момент мой мозг сгенерировал эту гениальную мысль?

— Как Кай? — спросил про брата, чтобы отвлечься.

— Попал в очередной скандал, — пожав плечами, Саша разлил нам виски. — Устроил вечеринку. С друзьями подкупил охрану университета и ночью загнал в бассейн козла на поводке. На грани отчисления. Ваш брат, простите, невменяем.

— Мать снова переводила ему деньги?

— В прошлом месяце.

— Внеси в календарь напоминание на следующей неделе ей позвонить.

Кивнув, он сделал глоток и поставил уведомление, тут же прилетевшее в мой телефон.

— И извинись от моего лица перед ректором.

— Письменно?

— Да.

— Я так понимаю, билеты в Россию не брать? И ряд пресс-конференций и открытие выставки... Все отменяем?

Долбанная мигрень.

Василиса в Питере. Кирилл в Питере. Алина в Питере. Нахуя мне быть в Питере?

Могу отдать разработку концепта целому отделу креаторов. Могу отказаться от контракта. Могу остаться в Эмиратах и забыть к чертовой матери и про Кирилла, и про Алину, и про Нее.

— Саш, помнишь, о чем я просил два года назад?

— Девушка? — невозмутимо. — Да, конечно. Учится, живет все там же, работает. Староста, фитнес-клуб, две соседки. Без изменений. Хотите посмотреть фото?

— Нет.

— Уже сбросил, — нахально улыбнулся, салютуя стаканом.

Здравый смысл стремительно покинул кабинет, стоило открыть первое фото. Кровь отлила от головы, хлынув к члену.

Большой город пошел ей на пользу, но это была не та Василиса, которую я оставил в слезах у стены.

В белой рубашке и розовой юбке, откровенно демонстрирующей плавные изгибы бёдер, от вида которых скрипели зубы. С уложенными волосами, которые раньше путались на

ветру. Она шла по улице с каким-то ущербным щенком и соблазнительно ему улыбалась.

Это ещё какого хера?

— Кто это? — сам не понял, про кого спросил. Про стервозную на вид девчонку или про додика под её каблуком.

— Стас, кажется. Одногруппник.

— Кажется?

— Я не запоминаю имена тех, кто не представляет интереса, — спокойно ответил Саша. — Это просто парень с её специальности. На год старше. Безобидный для окружающих. Но есть одно «но». Любит проигрывать деньги в компьютерном клубе.

— Где она?

— Простите?

— Где Василиса сейчас?

— Я... не знаю. За ней не присматривают круглосуточно.

— Саш.

Александр понял без слов. Сделал пару звонков, к которым я не прислушивался, все еще, по-русски говоря, охуевая от изменений в девчонке за эти два года. В ней все еще сквозила та дикость, но теперь с первого взгляда люди видели самовлюбленную куклу.

Судя по тому, как Сашины брови удивлённо изогнулись, когда он положил телефон, ответ мне не понравится.

— Она на свидании.

На свидании.

Пока я, я, мать вашу, с адским стояком рассматриваю ее фотографии, малолетняя сучка развлекается на свидании... Дышать. Не забывать дышать.

— Бери билеты в Россию.

— А «Атлантида»?

— Тоже берем, — черкнул размашисто подпись и отдал договор. — У меня внезапно вернулось вдохновение на морскую тематику.

Василиса

Ресторан «Парадиз» был похож на Рай меньше всего на свете.

Темный зал с низкими потолками. Бордовые стены, увешанные зеркалами в толстых рамах. Золоченая мебель под старину, удушливый аромат крепкого алкоголя и откровенно одетые официантки. Еще и конские цены.

Так себе местечко для первого свидания, но Стас будто не замечал. Болтал о компьютерах и планах на какой-то турнир по стрелялкам, про денежный приз или денежный взнос. Откровенно говоря, я никак не могла уловить нить беседы, потому что мужик за сорок напротив нас вгонял меня в неконтролируемый ужас.

За соседним столиком их было двое.

Вот такая маленькая глава вне графика, а с понедельника начинается основная часть истории)) Пожалуйста, не забывайте подписаться на автора и поставить звездочку,

чтобы не потерять книгу и меня))

Глава 11

Василиса

Мужчина с сединой на висках смотрел на нас минут десять. Второй, помоложе, в синем костюме, мазнул наглым взглядом по голым ногам.

Неприятная дрожь пробрала тело. Красное мини-платье Карины слишком сильно стянуло бёдра. Я боялась пошевелиться, чтобы ткань не задралась ещё выше. Что б ещё раз взяла у подруги её откровенные вещи... или послушала Злату.

Комаров все болтал и болтал. Кажется, ему вообще было все равно, какое там на мне платье, и в какой-то момент поняла: я не чувствую себя с ним в безопасности. Он сейчас рядом как мой... кто? Друг? Парень?

Почему не замечает? Не придвигается ближе? Не кладёт руку на плечо? Не смотрит на них в ответ, чтобы они поняли — я тут с ним? Я не ночная бабочка, я его девушка. У нас свидание.

Это ужасно и коовожадно. Но мне хотелось, чтобы мой парень мог... стыдно, блин, но мог хорошенько врезать за меня!

— Ты как? — накрывая мою ладонь своей, Стас переключился с компьютерных игр на нас. — Я тебя заболтал?

— Все хорошо, — в ответ легко сжала его пальцы, пыта-

ясь унять плохое предчувствие. — Стас, не хочешь просто погулять? По вечернему городу?

Просто не смотри за соседний столик, Вася. Просто игнорь их.

— Давай после десертов? Хочешь мороженое? Или эти... слышал, тут классные... как их... с шоколадом такие?

— Фондан?

— Точно! — Щелкнув пальцами, Комаров подозвал официанта, деловито заказал два десерта. — И вина. Белого, полусладкого.

— Я не пью, — улыбнувшись своему парню, снова почувствовала колкий взгляд на щеке. Хотела поскорее убраться из этого места, а не распивать вино. Не хватало еще захмелеть.

Официант, кивнув, ушел. Открыл обзор на мужчин, которые о чем-то переговаривались, поглядывая на нас со Стасом. Все это напоминало сюжет плохого кино, но Комаров с большой натяжкой походил на героя.

— Расслабься, — Стас легкомысленно улыбнулся, поправил стильные очки, которые зачем-то нацепил не смотря на хорошее зрение. — В универе ты посмелее.

Вино и фонданы принесли быстро, наши «соседи» совсем уже не скрывали похотливых и липких ухмылок, абсолютно не беря в расчёт тот факт, что пелятся на занятую девушку.

— За нас! — Счастливо отсалютовал Комаров, а я вяло ответила. Сделав глоток, чуть не поморщилась. Кисло. Горь-

ко. Не вкусно. Дождалась, пока Стас доел свой десерт.

— Теперь гулять? — отставляя бокал, постукивала каблуком по паркету.

— Да, отлично! Можно два счета, — выдал Стас проходящему мимо нас официанту.

Что? Блин, вот это я... Так, я взяла карбонару, вино и десерт, так что терпимо, оплачу.

— Я не сказал? Переволновался, прости! Ща объясню, — видимо, на моем лице отразилось недоумение, поэтому Стас спохватился и затараторил. — Я считаю, что в паре всё должно быть поровну. Ну, типа, честно. Не люблю тарелочниц, которые только и ждут, чтобы мужик за всё платил. Я помню про твои проблемы с деньгами, могу в этот раз оплатить...

А дальше я не слушала. Смотрела, как Стас светился от своей правильности и продвинутости, от предложения «оплатить в этот раз». Так гордился собой, что приосанился.

Мужчина с сединой усмехнулся. Зачем-то подмигнув, встал и направился к выходу, оставив на столе чаевые. За ним, не глядя на нас, пошел тот, что в синем костюме.

Слава Богу, ушли.

— Конечно, — растерянно согласилась, возвращая внимание Стасу. — Давай пополам.

— Да я точно на тебе женюсь, Вась! — широко улыбнувшись, Комаров чмокнул в щеку, мимолётно пообещав «сюрприз у него дома» и неся какую-то чушь про «настоящую девушку».

После его взгляд упал на окно, на выходявших из ресторана мужчин. Остановившись на порожках, они закурили, а мой парень мгновенно помрачнел.

Паранойя взорвалась сотнями мыслей и подозрений.

А еще я только сейчас заметила черный внедорожник, припаркованный вдоль улицы недалеко от входа. В машинах не разбиралась, номера не запоминала, но что-то подсказывало, что этот тот самый, который ехал за нами от универа.

Нет, нет, нет! Это должен был быть приятный вечер в компании хорошего парня, без приключений!

— Чёрт... — выдохнул Стас. — Да что они привязались...

— Стас? — коснулась его руки. — Всё хорошо?

Помолчав пару минут и потерев край бордовой скатерти, Комаров судорожно вздохнул, но так ничего и не сказал. А я уже еле дышала, погружаясь в панику.

— Стас?

— Я должен тебе в чём-то признаться.

Да это я и так поняла!

— Мне нужно сто косарей.

Желудок сжался от подозрений.

Долг, мужчины, сомнительный ресторан и мы. То, как они смотрели...

Нет и нет! Такое бывает только в Карининых мелодрамах.

— Зачем? — с надеждой на ошибку или дурацкую «шутку» спросила.

— В общем... — втянув воздух, Стас решился посмотреть на меня. — Я проиграл сотку в компьютерном клубе. Сегодня последний день, когда должен вернуть. Видишь тех парней? Они меня ждут. Но не парься, рядом с такой девушкой подойти не должны.

— Стас... — не знала, что сказать, а Комаров заламывал пальцы, поглядывая в окно. Он меня сейчас использовал как ширму, я так понимаю?

Ситуация патовая.

Соображай, Василиса!

— Ты можешь попросить у родителей?

— Предки убьют, если узнают, — поморщился.

— Ты не первый раз проигрываешь деньги?

— Иногда-а-а...

Официант принес два счета, но сейчас это было наименьшим из зол. Быстро рассчитавшись, я судорожно перебирала в уме варианты, как выйти отсюда не пострадав. Стас совсем сник и просто молча пялился в окно.

— Давай позвоним в полицию?

— И че скажем? Я даже не знаю, существует ли этот клуб официально. А я там сам зависал. Вдруг и меня загребут, мало ли?

Думай, думай, Василиса! Может, просто выйти? В конце концов, ну что они сделают на улице среди людей? Ничего.

— Вась, — коснувшись моего плеча, Стас наклонился к уху. — Ты же много работаешь... У тебя нет сотки?

Есть, конечно! Но я ее им не отдам!

— Я все верну, Вась. Клянусь, только помоги мне. Ты ж там копила...

Мы снова посмотрели в окно. Мужчины так и стояли.

— Иначе, боюсь, мы отсюда не выйдем, — мрачно заключил Комаров. — Если у тебя нет больше идей.

Вот и "хороший мальчик" Стасик)) Встречали таких?

А еще огромное спасибо, дорогие, за ваши комментарии и звездочки, за поддержку истории и автора ##

Глава 12

Василиса

Не в состоянии ни дойти до метро, ни уехать со Стасом, я сидела в такси и тряслась от пережитого адреналина и страха.

Не смогла отказать Стасу. Точнее, не сразу. Я встала, попыталась уйти, он — за мной. А у входа нас правда остановили те двое.

Господи, как же я испугалась!

Не помню, что сбивчиво им тараторила. Сжимала сумочку, пыталась не смотреть на лица и игнорировать тяжёлые взгляды. Когда с усмешками предложили отработать «как подружке их должника», я чуть... Да у меня сердце в пятки не полетело, а с таким громким свистом рухнуло за секунду!

Заикаясь, сказала, что могу оплатить его долг.

Стас понуро стоял рядом и красноречиво молчал.

Я сняла с карты сто тысяч рублей. Три месяца моей жизни. На три месяца дальше от цели. В запасе теперь год. Двенадцать зарплат. А надо собрать ещё два миллиона.

Математика не получалась... Ничего не получалось, не складывалось.

Стас обещал всё вернуть, клялся, что переведёт в ближайшие дни, но пора было признать: с одной работой я не вытягиваю.

У тебя есть три года, Василиса... А после тут все развалится.

Визитка, оставленная тогда Бестужевым рядом с таблеткой на тумбочке, начала прожигать сумку. Да, я её сохранила. Исключительно для того, чтобы однажды бросить в самодовольное лицо деньги и забрать свой проект.

Телефон завибрировал.

Разблокировав с третьего раза, открыла сообщение от хозяйки квартиры.

«Василиса, привет!

Хочу предупредить заранее: к сожалению, я вынуждена повысить аренду с июня на десять тысяч. Два года держали цены, но больше не можем. Надеюсь на понимание, ты — прекрасный жилец. Передай, пожалуйста, девочкам.

Хорошего вечера!»

Перечитала.

Слова не менялись.

Закрыв глаза, прижалась головой к холодному окну.

Я работала. Училась. Экономила на всём. Не ходила в кафе, не покупала новую одежду, считала каждую копейку. И ничего не вышло.

Я проиграла.

С болью осознавала, что путей отступления почти не осталось.

Я помнила адрес его галереи наизусть. Ни разу там не была. Даже случайно не доезжала.

До боли впившись ногтями в ладони, вдохнула и выдохнула. Три раза.

Телефон завибрировал снова.

Стас: «Вась, ты лучшая. Я всё верну, обещаю. Целую».

Такси остановилось у дома.

Оказавшись в тёмной пустой квартире, скинула туфли и осталась стоять у двери.

Внутри было пусто. Холодно. Одиноко.

Вот и весь вечер.

Последний день перед майскими праздниками выдался просто ужасным. Мало того, что дождь лил без остановки, так ещё и Комаров решил взять реванш.

Коридоры универа гудели, студенты спешили, толкались, прятались от непогоды. Я лавировала между группами, проклиная всё на свете. Опаздывала на работу. В который раз.

— Вась! Ну постой!

Комаров выцепил нашу группу недалеко от своей: я заметила его светлую макушку в толпе и сразу свернула в боковой коридор. Бесполезно.

— Давай поговорим! Я всё отдам, — схватил меня за локоть, но я дёрнула руку, вырываясь из хватки.

Он точно хотел что-то сказать, но я летела, будто бежала кросс на физре на каблуках.

Вылетела на улицу, ливень хлестал по лицу, ветер трепал собранные в пучок волосы. Бежала к метро, перепрыгивая через лужи, надеясь, что хуже быть уже просто не может...

В фитнес-клубе было мало людей. Пятница, дождь, послеобеденная тишина и легкая музыка вводили в дремоту всех сотрудников.

Быстренько переодевшись, я перекинулась парой фраз о погоде с девочкой-сменщицей, поздоровалась с девчонками из СПА и дежурным тренером Алексеем, скучающим возле штанги.

Заняла место на ресепшне, думая о том, что не успела поесть. Вносила в табличку отчёты по тренерам и их персоналкам, когда услышала голос управляющего.

— Василиса, зайдите ко мне на минутку, — проходя мимо, бросил Андрей Дмитриевич и быстро скрылся за дверью своего кабинета.

Ой, не к добру.

Нет, нет! Не накручивай, Вася.

Я работала тут почти два года, исправно выполняла работу, у меня опозданий – по пальцам пересчитать, а ещё я выполнила план продаж персоналок за месяц. Может, премия?

Пожалуйста, пусть будет премия!

Постучав, дождалась дежурного «Проходите». Скрестила пальцы на удачу за спиной.

— Василиса, подойдите сюда, — поманил пальцами, по-

ложил на письменный стол белый лист. Пусть будет приказ на премию!

С колотящимся сердцем села напротив и обомлела. Это шутка? Розыгрыш? Передо мной лежало уже написанное заявление на увольнение.

— Одна клиентка на вас пожаловалась владельцу. Её муж — тоже наш vip-клиент и друг хозяина клуба. Более того, он непростой человек... Подпишите, Василиса.

— Одним днём?

— Да, рассчитаем вас сегодня. Мне жаль.

— Я же ничего такого ей не сказала. Ну, то есть, хотела, но вежливо объясняла, что Оля заболела, — сминая край форменной белой юбки запотевшей рукой, надеялась, что это всё жуткий сон. Уснула после свидания и не проснулась.

— А в конкретно этом случае должны были позвонить Оле и заставить её найти себе замену. Или предложить девушке бонус.

— Я предложила ей сходить к косметологу. Она отказалась. Сказала, что мне нужнее.

— Василиса, мне жаль, но я не могу допустить, чтобы вы пересекались с этой девушкой как админ. Вы сами понимаете, у нас тут не простые люди занимаются.

Ага. Понимаю. Такие, которые лихо пристраивают тебя в универ одним звонком, а потом угрожают, что либо сюда, в этот город, либо вообще никуда.

Проверить я тогда не решилась, тем более он вроде как

отстал от меня и пропал.

Но сейчас надо было попробовать за себя постоять.

— Не увольняйте меня, пожалуйста, — сжав кулаки на коленках, быстро-быстро дышала. — Мне нужна работа.

— Так проще для клуба. Я не хочу натравить на себя инспекции и проверки. Вы просто попали под горячую руку не тому человеку.

— А если я буду кем-то ещё? — я не сдавалась. — Я на любую работу согласна.

— Мне нечего вам предложить, — отрезал, раздражаясь.

Я смотрела на него и не видела ни капли человеческого. Так было проще. Для него. Для клуба. Для женщины, у которой богатый муж.

С какой-то дикой ясностью я вдруг осознала: это вообще мир таких вот мужчин. В костюмах, с часами, считающих, что могут распоряжаться чужими судьбами.

Мужчина создал проект моего отеля и не отдал потому, что я отказалась с ним спать.

Мужчины будут сидеть в комиссии, у которой я буду стараться получить грант на стройку.

Какой-то мужчина, который даже не видел меня ни разу, вот так просто сломал все мои планы.

Слёзы я проглотила. Взяв ручку, подписала заявление. Не читая.

— Можете идти, — одобрительно кивнув, Андрей Дмитриевич расслабленно выдохнул. — Отчёты доделайте и в

бухгалтерии получите расчёт.

Чёрная полоса давила на плечи, но до конца дня я продержалась. А после получения копеечного расчёта сидела у клуба на лавке, пока на улице не стемнело.

С парковки уезжали дорогие машины, в одной из них — «красотка», которая легко лишила меня работы.

Даже, наверное, не подумала, что в девятнадцать лет там не от лёгкой жизни студентка работает.

Смирись, Василиса.

Дрожащими пальцами я достала визитку.

— Добрый вечер, — на том конце раздался вежливый голос.

— П-простите, что поздно. Виктор Александрович дал этот номер...

— Всё в порядке, — мои заикания незнакомец деликатно проигнорировал. — Меня зовут Александр. Я его ассистент. Могу узнать ваше имя и по какому вопросу звоните?

— Василиса Никольская. Я... — замолчала.

Что сказать ассистенту? «Хочу работать уборщицей у мужчины, который меня трахнул и бросил. Может, он меня помнит»?

— Минуту, — судя по тишине, собеседник отключил микрофон.

Плохая идея.

— Василиса? — голос быстро вернулся. — Виктор Алек-

сандрович вас ждёт. Галерея «Дистракшен». Приезжайте сейчас.

Через полчаса у входа в монументальное здание на отшибе нас встретил молодой человек в белой рубашке, вежливо улыбающийся мне и таксисту...

Ну что, дорогие, готовимся к первой встрече? Уже в эту пятницу #####

Обещаю, будет больно...

Глава 13

Василиса

— Василиса, ещё раз добрый вечер. Вы разговаривали со мной. Я провожу вас до кабинета Виктора Александровича, — мы поднялись по ступеням ко входу.

Дух захватило.

Так вот она какая — знаменитая галерея.

Стеклянное здание в сосновом бору, а вид открывался на чёрный в ночи Финский залив. Суровая северная природа во всей её жестокой красе.

Надо было признать, Бестужеву с его стальными глазами и хищной улыбкой оно шло. Невероятно. Да и его пугающему ассистенту тоже.

Дыхание участилось. Пульс зашалил. В груди поставили и готовились поджечь залпы фейерверков.

Дыши, Василиса, только дыши.

Страх сковал по рукам и ногам, когда Александр открыл дверь и вошёл в кабинет.

Я не смогу.

— Виктор Александрович, Василиса приехала.

— Потрясающе, — из темноты раздался бархатный голос, вызвавший приступ головокружения и дезориентации.

— Пусть войдёт.

В тумане выдохнув и вдохнув, сжав сильнее сумочку,

сделала шаг вперёд.

Застыла на пороге его кабинета, не смея оторвать взгляд от носков своих туфель.

Александр закрыл дверь и исчез. Тишина была осязаема, её нарушало лишь испуганное дыхание и грохот сердца.

— Добрый вечер, Василиса, — выдержав несколько секунд, Бестужев одним повелительным «Василиса» обесточил жизненно важные органы.

Эмоции на разрыв.

Добро пожаловать в Ад, Василиса.

С трудом подняв взгляд, облизнула пересохшие губы.

— Так и будешь молчать? — с едва слышной насмешкой.

В идеальной чёрной рубашке. С порочной ухмылкой...

Владелец галереи сидел в изысканном кожаном кресле со стаканом янтарного напитка в руке.

Одним дурацким пристальным взглядом вернул ту версию Василисы, которую похоронила.

— Я не могу тратить время на твоё показательное молчание, — облокотившись о глянцевую поверхность стола, лениво сделал глоток.

Господи, что ему предложить? Ведь я уже даже не могу сказать «хочешь быть первым»? Да и с дубайскими шлюхами вряд ли выдержу конкуренцию.

— Пришла за проектом? — услужливо подсказал собеседник.

— Да, — сглотнула. — Ну почти...

— Я весь во внимании, — выгнув широкую бровь, откинулся в кресле. Сложил руки под подбородком.

— У тебя нет работы? — выпалила, сама от себя не ожидая, но мозги от страха искали разные варианты. — Для меня? Какой-то... ну, может... любой... — тараторила с надеждой на понимание.

Всей душой надеясь не растерять остатки достоинства.

— Василиса, остановись, — Витя перебил, хохотнув. Захотелось провалиться сквозь землю под насмешливым взглядом. — Ты можешь объяснить, что случилось?

Собравшись с духом, я попыталась объяснить ситуацию ещё раз и внятно. Упустив момент с Комаровым. Признаться в неудачном выборе парня было стыдно.

— Теперь мне нужна работа. Точнее, подработка. Любая.

— Работа, — обжёг оценивающим взглядом вершителя судеб. — Для студентки-второкурсницы с абсолютно неподходящей мне специальности, которая вылетела с предыдущей должности, не сумев справиться со сложным клиентом?

Посильнее сжав сумку, выдержала ошпаривающий кипятком взгляд.

— Может, баристой в кафе на первом этаже? — глаза запекло. — Или секретарём? Или чьим-то помощником?

Пожалуйста, ну будь человеком.

Дай мне хотя бы шанс.

— Будь ты разрабом, могли бы что-то придумать, — помолчав, мрачно отбрил. — Но вообще я не работаю со сту-

дентами. И с посредственными исполнителями. И с людьми, у которых отсутствуют базовые навыки деловой коммуникации и знания английского, — безжалостно растоптал самооценку, напомнив о нашей ночи.

Студентка. Посредственная.

На что я надеялась, обратившись к нему?

Снова на те же грабли с разбегу! Унижение хуже, чем когда оставил одну после первого раза, а потом наплёл про дурацкий звонок.

А дальше... Услышала пару шагов, в лёгкие вонзился аромат алкоголя, крепкие пальцы обхватили мой подбородок.

Вместо того чтобы открыть дверь и прогнать, Бестужев вцепился в мои щёки жестокой хваткой, отправив сердце в нокаут.

Вырвал из глубины памяти те чувства, которые должны быть мертвы.

Ублюдок!

У меня ведь никогда и никого, кроме него, и не было! Иногда, ночами, когда желание прорывалось сквозь десятки замков и барьеров, со злостью и отчаянием я трогала себя, представляя только его!

Всегда только его!

Ненавидела себя за слабость, ругала, пыталась вообразить звёзд, спортсменов, знакомых ребят... А потом горячей волной его образ безжалостно вымывал блёклые лица мужчин.

— Сколько тебе осталось собрать? – тихий вопрос.

Снова так близко... Воздух сгустился, стал вязким, горячим... Прикосновение посылало по коже разряды, от которых немели колени. Давно забытые чувства и ощущения переполнили тело.

— Два миллиона сто, — меня пробирало от него как ни от кого другого.

Витя присвистнул.

— Я могу отдать то, что есть? Пожалуйста... Конкурс грантов через полгода, пора готовиться. Я буду отдавать по частям... С процентами...

— С математикой тоже проблемы? Накинем инфляцию и среднюю ставку по кредиту? — сухо выдал, большим пальцем надавив на уголок рта.

Урод! Вот урод!

— Ты мне противен! — толкнула со всей силы в широкие плечи. — Жалею, что вообще тебя встретила! Что папа тебя прислал!

Бестужев отступил, ещё больше мрачняя.

— Ужаснее первого раза просто не придумаешь! Мне было неприятно, больно и... после тебя каждый мой парень был в сто раз лучше! Заботливее! Внимательнее!

Больно, как больно...

И слёзы, и всё это... и... девушка, из-за которой мужчина лишил меня работы... и теперь ОН...

— Но, если тебе так приспичило, можешь сделать это прямо сейчас, — едва слышно закончила. — Я потерплю.

Вот предложила так предложила!

В воздухе повисло молчание.

Мои всхлипы и...

— Не надо терпеть. Раз предложений нет, будешь мыть полы и туалеты в галерее. Чертежи будут через месяц, если полы будут блестеть.

Я правда думала, что смогу его переиграть?

Что смогу сохранить хоть каплю достоинства?

Будешь мыть туалеты...

— Это лучше, чем спать с тобой, — подняла затравленный взгляд, защищаясь. — Спасибо. Я буду стараться, — вытирая слёзы рукавом рубашки. — Лучше так, чем быть твоей подстилкой... — пытаюсь хоть как-то ответить.

— Это было два года назад, Василиса, — убийственно ласково. — С чего ты взяла, что всё ещё мне интересна?

Ухмылка-пощечина, разорвавшая сердце на части.

— У меня на тебя больше не стоит. Так что полировать до блеска будешь полы.

Дорогие, хочу познакомить вас с миром моих роман. Читать можно как по отдельности, так и цаклами!

Цикл "#страшаяшкола" 16+

"Король моей школы"- первая книга нежного, подросткового цикла о первой любви (дочка Васи и Вити + сын Кира и Ати)

Что делать, когда хулиган с детства влюблен в тихоню?

А если она его предала? А если он так и не смог простить ее и превратил ее жизнь в ад? А если чувства все еще живы?

Фил и Ава - для любителей тропы "от ненависти до любви", спортивной романтики и первых нежных чувств.

ЧИТАТЬ: <https://litnet.com/shrt/Ww92>

"Новенькая в его школе"- вторая книга цикла. Советую начинать с нее, т.к. по хронологии история Димы и Саши начинается раньше, чем история Авы и Фила.

Саша - девочка из бедной неполной семьи. И она пришла отомстить за смерть папы. Дима - сын того, за кем она пришла. И он должен был стать игрушкой в ее руках, но все пошло не по плану. Потому что Дима - совсем не тот, кем кажется вам на первый взгляд. За маской отличника скрывается...

Дима и Саша - самая стекольная, тяжелая и готовая выс выпотрошить эмоционально.

ЧИТАТЬ: <https://litnet.com/shrt/OzJg>

"Название в секрете" - третья книга будет про Макса и Полину. После Вити и Васи

Он - восходящая рок-звезда. Она - бывшая королева школы. Когда-то она разбила ему сердце, но что, если их преданная любовь - цена его успеха?

Цикл "Отморозки" 18+

Всем, кто любит погорячее! Эти мальчики - не подарки... но разве можно устоять?

А эти героини... ох, как же они обожают читать dark-романы.

"Запретная. Не забуду тебя" - первая книга. Адель и Ярослав встречаются в книге Димы и Саши.

*Он - тот, кого называли отбросом, маргиналом, убл***ом.*

Она - папина дочка, принцесса, наследница целого состояния. Против них был весь мир... Но разве его бы это оставило?

ЧИТАТЬ: <https://litnet.com/shrt/Ftzn>

##"Люблю тебя, девочка" - нулевая книга! История, с которой все началось!

Разница в возрасте, властный герой и не уступающая ему героиня, противостояние характеров и жаркие Виктор и Василиса. Хотите узнать, почему Василиса так невзлюбила Кирилла Воронова? Почему Фил для нее был худшим вариантом парня для Авы?

Витя и Вася - для любителей темных героев и серой морали.

ЧИТАТЬ: <https://litnet.com/shrt/4S-4>

ПРИ ПЕРВОЙ ПОКУПКЕ - СКИДКА НА ОСТАЛЬНЫЕ КНИГИ

Глава 14

Виктор

Я вернулся домой в паршивом настроении. Стоит ли говорить почему?

Узнав про её «парня» и его игроманию, попросил ребят шугануть сладкую парочку, пока меня рядом не было. Серьёзно, Василисе стоило вправить мозги. Связаться с таким ущербным – надо было суметь.

Утром я охуел с новостей о том, что она за него заплатила.

А вечером охуел с её предложения. Работа! На полном серьёзе мне это выкатила! Просила работу! А потом ещё про «заботливых парней» выдала. Какого дьявола вообще у неё в голове?!

Просто охренительно вышло! Всё как рассчитывал!

Заглушив двигатель, откинулся на сиденье и сжал пере-носицу, не понимая, как Василиса повелась на «ты мне не интересна».

Ха-ха-ха. И ещё раз ха!

Опустила бы взгляд – раскусила б в два счёта. Но принципиальной натуре было не до того. Строила из себя оскорблённую невинность, пока я мысленно выбирал между «по-слать её» и «отыметь её».

«Все мои парни после...» Все парни, сука!

Мозги знатно плавились. С момента расставания с Али-

ной прошёл почти месяц. Месяц без секса. Находясь в шаге от того, чтобы набрать номер бывшей и предложить встречу, вылез из тачки и хлопнул дверью.

Коттеджный посёлок за городом спал, свет в доме не горел, с порога в нос ударил узнаваемый аромат знатной пьянки.

Кроссовки, туфли, женские босоножки кучей у стены в прихожей. Куртки на полу. В гостиной пустые бутылки на журнальном столе. Окурки в пепельнице, которой здесь никогда не было.

На угловом итальянском диване спали две девушки, укрытые пледом, и Кай между ними. Какой-то парень в кресле, ещё один на полу на белоснежном ковре. Никто из них не проснулся.

В висках начинало стучать. Зайдя в зону кухни, набрал стакан ледяной воды, вернулся к дивану и плеснул брату в лицо.

— Ммм... — сонно захрипев, Кай проморгался, пока девушки, натянув плед, пробубнили что-то вроде «Кай, разбейся». К их несчастью, Кай вот уже двадцать два года даже с собой не мог разобраться.

— О, чёрт, ты тут... — судя по хрипящему голосу, брат знатно перебрал. — Ты давно приехал?... — откидывая пепельные крашенные пряди, посеревшие от воды, смотрел, с трудом фокусируясь.

— Прилетел в обед. Что здесь произошло? — игнорируя

нарастающую головную боль, клянусь, старался говорить с Каем без отцовских наездов.

Хотя руки чесались вышвырнуть всех этих людей из дома. И Кая туда же за шиворот. Чтоб одумался.

— Афтерпати, — ухмыляясь, кивнул на девчонок. — Итц э кул афтерпати. Подай минералки?

Его пати, длящиеся уже три года, знатно меня заебали.

— Посреди учебной недели? — ничего лучше, чем успокоиться с помощью виски, я не придумал, хотя на сегодня стоило бы остановиться.

— У меня всё путём, — судя по звуку, брат пошёл следом на кухню.

— Сколько раз я просил не водить в дом всех подряд? — где у нас виски? Где у нас вообще в доме нормальный алкоголь?

Мини-бар забит пивом и сиропами для коктейлей. Ни одной бутылки из тех, что я привозил в прошлом году. Я же просил его не трогать.

Злость с головной болью и без того стремительно набирали обороты, в ушах набатом звучал обиженный голосок.

Все мои парни.

Все мои парни!!!

Один, два, три... Выдох... Ебучая математика.

Что, Виктор Александрович, у вас тоже просчёт? Не прыгнула с радостью в койку? У кого ещё проблемы с расчётами?

— Ты тут не живёшь, — поморщившись, Кай хлопнул дверцей холодильника и достал минералку.

— Кай, — проглотив маты, которые не приведут ни к чему, кроме очередной ссоры, я очень, очень постарался ответить спокойно. — Это наш дом. В кабинете отца и спальне матери тоже шлюхи?

Хотя бы еда здесь какая-то есть?!

— Комнаты на втором этаже заперты, не парься.

Открыв холодильник, нашёл только банки с лимонадами и минералками, коробку из-под пиццы и какую-то дрянь в сковородке, покрытую плесенью.

— Когда ты возьмёшься за голову? Я два месяца назад просил нанять домработницу.

— Давай без нравоучений? Сам давно за неё брался? Напомнить? Кири-и-и-илл, — нараспев произнёс мелкий засранец.

Хлопнув со всей дури дверцей, резко развернулся на выход. Иначе я прибью, к чёртовой матери, родного брата.

— Сорри, — Кай увязался следом. — Ты первый начал играть в папу.

— Ещё один звонок из университета, и я не буду тебя выгораживать, — обуваясь.

— Отлично, а ты типа это делал? — подперев косяк, Кай сложил руки на голой груди, глядя, как я психованно собираюсь, хватаю ключи от машины.

— Козёл в бассейне.

— Во-первых, коза. Во-вторых, дай угадаю, ты свалил всё на сноба в галстук?

— Разгони всех и вызови клининг. Я в отель. Переночую там, вечером после работы вернусь.

Облокотившись на ограждение, вливал в себя эспresso после бессонной ночи.

Редкое для Питера солнце заливало нижний этаж галереи золотом, подсвечивая белокурые волосы Василисы, натягивающей перчатки для уборки.

Ну, доброе утро, красавица. Добро пожаловать в мой мир.

Destruction была моей мечтой лет с семнадцати. Первые эскизы набросал под руководством отца ещё в школе.

В Делфтском университете проект галереи стал основной работой. Я всегда знал, что Destruction будет моим лучшим творением в этой реальности. После галереи появилась идея создавать миры для компьютерных игр – масштаб виртуальной реальности не знает границ, и я мог воплощать все свои амбиции и фантазии.

Я всегда знал, чего хочу и как это получить.

Мои амбиции строились на лучшем образовании, таланте, который проявился ещё в трущобах до появления в нашей жизни отца, и на моём мозге, способном просчитывать безошибочно кратчайшие пути достижения целей.

Сейчас я смотрел на моющую полы Василису Никольскую и не мог понять, в какой момент в системе произошёл сбой.

Эта девушка всерьёз собиралась вымыть квадратные сотни метров стекла, мрамора и бетона?

Почему в её принципиальную голову не пришла гениальная мысль: всё может решить хороший минет.

К отвратительному образованию и наивной вере в себя стоило добавить полное непонимание того, как функционирует мир.

Деловая хватка на нуле. Даже амбиции на нуле, потому что, по большому счёту, ей движут не амбиции и цели, а мечта брошенного ребёнка.

Всё это нелогично и не имеет ни одного шанса на успех.

Нет, я не понимал...

Неужели реально лучше драить полы, чем спать со мной?

Я предложил секс в обмен на готовый для грантовой комиссии проект. В каком месте и по какому параметру она провела сравнение меня и полов и выбрала полы?

Как это поможет её долбанному шато?!

Все мои парни после... Заботливее. Внимательнее!

Сука, ну как можно быть такой слепой?! Навешать лапши на уши, задвинуть о великой любви и заказать еду – это работа?

Вовремя остановил себя от желания сжать стакан и выплеснуть чёрную жидкость на вымытый пол.

— Кхм, — негромкое покашливание сбоку, и рядом устроился Саша. — Виктор Александрович?

Красноречиво указал взглядом вниз. Потом на меня.

— Без комментариев, — глотнув кофе, вернулся к объекту наблюдения.

Василиса переделалась в обтягивающие джинсы и белую футболку, не прикрывающую аппетитную задницу. С запозданием понял, что вообще-то весь мой мужской состав команды разрабов, наверное, на неё пялится.

И это вообще не должно меня задевать.

— Что сказать клинингу? Может, выдать ей форму?

Каждую ночь в галерее наводила порядок клининговая фирма на подряде. Тут итак всё блестело.

— Пусть не приходят три дня, — допив, с улыбкой смотрел, как Василиса, сдувая выбившуюся из пучка прядь, толкает ногой ведро с грязной водой.

— Она же не справится.

Конечно, не справится. Клининг отправляет по три-четыре уборщицы. С её диким характером психанёт и бросит тупую идею. Сама ко мне придёт.

Откровенно рассматривал линии бёдер, пока она нагибалась над ведром, поправил стояк. Гремучее сочетание невинности и секса. А от осознания, что это я сделал её женщиной, в мозгах щёлкало.

Я и так далеко зашёл, чтобы заполучить её...

— Форму занеси мне вечером. Сам передам.

Василиса

С трудом стянув грязные джинсы с футболкой, я осталась в лифчике и простеньких белых трусах. Глубоко подышала,

чтобы хоть как-то унять боль во всём теле. А ведь это только первый день из тридцати одного.

Ничего, выдержу. Буду представлять, как получаю грант и возвращаюсь домой, как начинается грандиозная стройка, как планирую торжественное открытие.

Еле накинула рубашку, справляясь с тяжестью в руках и спине, когда тихий звук открывающейся двери заставил чуткое сердце сжаться от страха.

Мне не нужно было оборачиваться, чтобы узнать. Кожу пронзил болезненный разряд тока, будто кто-то поднёс электрошокер к спине.

Застыла от ужаса. Заледенела.

Секунда, две, три. Воздух искрил, тяжелел. Разряжался. Я знала, что он тоже застыл на пороге.

Сердце не билось. Я, почти обнажённая и испуганная, стояла спиной к самому конченому в мире мужчине...

— Чёрт, Василиса...

Мой ТГ-канал "твой автор, Лисса Джонс"

Мое сообщество ВК, которое вот-вот начну наполнять (понимаю, что сейчас в ТГ трудно попасть, поэтому приходите, ВК вот-вот стартует): Лисса Джонс | Романы со вкусом первой любви

Глава 15

Василиса

Оглушил своим задушенным «Василиса». Щелчок выключателя, коморка погрузилась в полупрозрачную темноту, обнажающую лишь силуэты и очертания.

Легкие дотла спалил арктический холод...

В пару шагов Виктор Бестужев сократил расстояние, не дав развернуться или послать его к чертовой матери. Ладонь приклеилась к моему рту, вторая обвилась вокруг талии.

— Ммм?!... — замычала, глаза распахнулись от ужаса, когда он стремительно зашагал вперед, не обращая внимания на попытки сопротивления.

Бестужев -этот как неминуемый циклон в десять баллов. Ты либо переждешь, либо сунешься в эпицентр, там и умрёшь.

Я умирать не собиралась.

— Встать на носки, Василиса, — впечатал собой в угол за стеллажами, обхватив за запястья, задрал наши руки над головой.

Да будь ты проклят!

— Я сказал становись, — прорычал, заставив вытянуться в струну и прочувствовать задницей силу его напряжения.

Подавись!

В кровь впрыснули лютую ненависть и адское возбужде-

ние...

Ты еще пожалеешь!

— Василиса... — вытворял полную чертовщину, вжимаясь пахом в мои ягодицы и до хруста сжимая запястья, словно он злился.

Моя ненависть и его злость, помноженные на взорвавшееся сексуальное притяжение, которое мы не могли контролировать. Словно судьба издевалась, сводя двух неподходящих друг другу людей.

Дико, безбожно, неконтролируемо было ужасно, когда мощный член потерялся между ягодиц, сбивая хлопок белья.

О боже... он же не...

Грудь в тонком лифчике царапалась о жесткий бетон, спина скользила по его прохладной рубашке, а возбуждение гуляло меж ягодиц и плотно сомкнутых бедер...

Здравый смысл меня покидал, потому что, как, просто КАК я вообще могла возбуждаться сейчас?!

— Какого черта ты раздета? — яростно, на ухо. — Если бы вошел еще кто-то?

— П-пош-шел... — стоило горечей ладони исчезнуть с моего рта, попыталась сказать «пошел на хрен», но зуб на зуб не попадал. А его пальцы начали разминать затекшую спину под распахнутой настежь рубашкой.

Вот сукин сын.

— У тебя спина деревянная, крошка... — едва слышно.

Умелыми массажными движениями проминал онемев-

шие мышцы. Ноги предательски задрожали, покалывающее возбуждение от точки, где нахально терся его член, распространилось по каждой клеточке тела.

— Т-ты... от-пус...

Сражайся, Вася, борись!

— Почему ты переодеваешься здесь? Еще и не закрылась? — ублюдок прижался жёсткими губами к макушке жадно вдыхая. На смену холоду обдало лютым жаром...

— Если б-бы... — сквозь судорожный выдох собрала волю в кулак. — Вошел кто-то нормальный... — сглотнула, чуть на убив себя за сорвавшийся стон, когда пальцы промяли лопатки, — ... он бы извинился и вышел.

Продолжая держать в стальном захвате мои руки, очевидно, понимая, чем чревато освобождение, мой личный мучитель массажем дошел до кромки трусов.

Молилась, чтобы только не пустил руку ниже, где безмозглая физиология реагировала на мощный выброс адреналина.

— Уб-бери руки и иди на х-ре... — даже взбрыкнуть не могла, тесно прижатая ублюдочным «шефом» к стене. Хотелось обрушить стеллаж на его голову!

— Ты только что толкнула меня голой задницей в член? Гениально, Василиса, — снова зло прорычав, грубо растолкал мои ноги коленом, вжался им в изнывающую промежность, почти усадив на себя.

Да-а-а...

Из глаз брызнули злые слезы.

Потому что...

Черт!

Ну, он не мог не понять!

— Я т-тебе больше неинтересна... — всхлипывая от неправильного контакта наших тел, едва не лезла на стену. — Сам сказал, что все, что мне светит, полы...

Господи, ну почему я не слушала Карину?! Мне почти двадцать, мне был нужен был мужчина, способный... способный... да мне просто нужен был секс! Давно!

Захотелось удариться лбом о стену!

— А ты сказала, что тебе не понравилось. Только, по-моему, ты сейчас кончишь от моего колена. Так что мы оба со-врали, — самодовольно.

— Пошел ты...

Колено исчезло, болезненная пульсация скрутила живот, я царапнула стену и до крови прикусила губу только чтобы не умолять. Бестужев дернул промокшие трусики вбок, касаясь мокрых горячих складок.

В голове грянул оглушительный гром. Похороны моей со-вести и чести.

Сокрушительно проигрывала в войне с собственным телом, находившим почему-то действия этого конченного му-дака тем, что мне нужно...

— Не надо, - прижавшись лбом к бетону, рвано дышала. — Пожалуйста... Не надо...

Аж два раза он меня слушал.

— Ноги шире, — болезненный шлепок обжог задницу, вырвав из горла мой вскрик. Боже, пожалуйста, пусть нас никто никогда не услышит!

Пальцы скользнули по влажным складкам, безошибочно накрыв клитор, Черт, он его сжал!

Бедра свело, прошило, ножки задрожали...

— Я хочу тебя. Ты хочешь меня. Тебе нужен кто-то, кто поможет с отелем, — чеканил на ухо каждое слово будто заключал сделку. — Кто-то, кто научит, подскажет. Я готов помочь.

Несдержанно вскрикнула, когда Витя начал чередовать ласку и грубость, посылая острейшее возбуждение вдоль позвоночника.

Ну почему-у-у... почему он...

— Все, что тебе нужно, чтобы избавиться от проблем. Доверься мне. Тебе понравится, — и даже голос не сбился, пока я сходила с ума от нарастающего внизу напряжения, грозящего взрывной волной погубить все вокруг.

Грубо вошел пальцем до основания, заставив закричать от неожиданного, но необходимого растяжения.

— А твой... - Господи, как трудно было думать и говорить, — ... гениальный мозг может хотя бы предположить... — чувственно выгнувшись, я бесстыже стонала, когда он двигался.

— М?

— ... предположить... просто в теории... может, я тебя

не хочу?

— Не хочешь так, что залила мою руку? — толкнулся сильнее, насаживая меня на себя.

Рывком освободив руки, снова предусмотрительно закрыл рот ладонью. А я вцепилась в его предплечье, закрывая глаза и откидываясь на широкую грудь.

Стонала, царапалась... Витя, добавив еще один палец, ускорился. Язык и губы блуждали по моей шей, оставляя следы, пока пальцы безжалостно высекали искры из глаз.

Мощь оргазма меня уничтожила. Упала бы, если бы он сейчас отпустил.

Так и стояли.

Витя аккуратно отпустил и помог развернуться, позволив увидеть свое лицо. В глазах и на губах светилась ухмылка. Победа.

Не так быстро, Виктор Александрович.

Надо только собраться. Ну же, Вася, давай!

Я растянула губы в ответной улыбке, положив ладони на мужские плечи. Адреналин и азарт вскипели в расслабленном теле, а пересыщенный окситоцином мозг крутил фразочки одна лучше другой.

— Знаешь... - промурлыкала, ласково проведя по плечам к татуированной шее, дурея от его похотливого штормового взгляда. — Это было неплохо, но я лучше помою полы.

Не забывайте поставить звездочку после прочтения и

добавить книгу в библиотеку, чтобы не потерять. А еще обязательно подписывайтесь на автора, вас ждет целая вселенная Лиссы с самой горячей любовью!

Глава 16

Василиса

Я смотрела в клубящуюся тьму его глаз и дурела от неописуемой эйфории!

Это была победа, сладкое чувство маленькой мести за все то, через что он заставил пройти!

За унижение после первого раза, за обман после второго, за скотское предложение стать девчонкой по личному вызову, за долбаные полы в его долбанной галерее!

— Тебе не пора выйти, позвонить по работе? — игриво прикусив нижнюю губку, я пробежалась кончиками пальцев по кипящей коже шеи, где пульс выдавал с головой его бешенство.

— Ну, или к чему вы там еще привыкли, Виктор Александрович?

Прислонившись спиной к шершавой стене, намеренно выгнулась, со злостью демонстрируя грудь, пока адамово яблоко на его шее не оказалось под моими обманчиво ласковыми пальцами.

Зачарованно наблюдая за тем, как провожу по полыхающей коже, переместила руку к чертовой надписи.

Пришел.

Увидел.

Победил.

На последнем слове я задержалась.

А в нем что-то сломалось. Потому что обе руки моего первого мужчины и по совместительству нового босса с такой силой врезались в стену, что рухнуло пару банок со стеллажей.

Гром и молнии. Сжатые челюсти, чернота во плоти.

Не могла оторвать взгляд от чуть разомкнувшихся губ, с которых не слетело ни слова.

— И что ты мне сделаешь? — прошептала, как губка пропитываемая нечеловеческой злостью. — Расстегнешь брюки и возьмешь силой?

Опустив взгляд, едва коснулась другой рукой металлической пряжки ремня, бесстыже глядя на натянутые в паху брюки.

Больно тебе, да?

Добро пожаловать в мой мир, Бестужев.

Тут всегда больно.

Царапнув коротким ногтем по матовой черной коже, с вызовом подняла голову:

— Вперед.

— Я же тебя уничтожу, дурочка, — почти ласково и нежно, а его ладонь вдруг накрыла всю мою шею. — Еще слово — и поставлю на колени, заставлю сосать, пока не подавишься.

— Хочешь правду? — горечь стекала по сжатому горлу, а во мне не было страха.

— Мне просто нужна была разрядка после целого дня в

твоей долбанной галерее. Я всего лишь устала, а ты в очередной раз воспользовался положением. Вот и все.

Обоюдная ненависть... Треск в атмосфере, словно взрывалась материя. Как можно так презирать и хотеть?

Ошибка в природе.

Два помешанных. Два спятивших человека, перепутавших чувства. Но я не могла уже остановиться, чувствуя, как кислорода становится меньше и меньше...

Моя злость меня и душила. Душила так, что не выплесни я ее на него, задохнулась бы раньше.

— Думаете, мне понравилось, Виктор Александрович? — до боли вжимаясь затылком в стену, задрала подбородок, глядя в горящие, нечеловечески черные глаза мужчины. — Нет, нет и нет, — слишком тихо, потому что он неосознанно наклонился...

— Это было грубо, грязно и ниже моего достоинства. Меня тошнит от себя. А тебя теперь я презираю еще больше, — мой взгляд с его глаз переместился на губы.

— Недостойно? — рывком прижался бёдрами к моим, мои руки легли на его пояс... Но, боже, сейчас мы скорее готовы были друг друга убить...

Его зрачки. Чёрные, бездонные, в них плескалось тёмное, горячее, неконтролируемое... Жилы на шее вздулись, желваки играли под скулами.

Сдерживался. А я чувствовала неопишуемую власть над этим неопишуемым мужчиной.

— Поймите уже, — губы в губы почти, смешивая нашу ненависть, как яд. — Я не продаюсь. Тогда в Шато я переспала с вами только потому, что сама хотела. Я хотела быть с тобой. И сейчас я тоже хотела. Только не тебя, а расслабиться. Меня нельзя заставить или купить. Только если силой...

Секунда. Ещё секунда... увидела, как его дыхание сбивается... как грудь под рубашкой ходит ходуном...

— И ещё. Тебе же наверное интересно, почему нет, да?

Глаза в глаза...

Это будут не слова. Пощёчины, Вить, которые ты заслужил.

Правда, от которой не убежать.

А он только молчал.

— Потому что тот, кому я скажу «да», будет меня боготворить, — каждое слово падало камнем. — Мы будем любить друг друга. А не... *вот так...*

Стрельнула глазами вниз, красноречиво, между нашими телами, где почти соприкасались его возбуждённый обтянутый брюками член и мои сбившееся промокшее белье.

— Он никогда не скажет ничего подобного, — глядя на пошлую картину перед глазами, в тишине и темноте продолжала. — Не будет брать силой, даже если будет знать, что какой-то извращённой части меня такое может понравиться. Это будет мужчина, перед которым я сама встану на колени.

Звонкая, тяжёлая тишина и беспросветная темнота накрыла коморку, исчезли даже силуэты предметов и нас. Судя

по звуку за крошечным окном подсобного помещения, грянул дождь. Или гроза.

— А ты не будешь стоять даже его мизинца.

Дождь лил весь вечер, и только к полуночи улицы Питера стали блестеть, словно отмытые умелым хозяином коридоры любимого дома.

За два года я почти смогла полюбить этот северный город. Сложный, простудный, местами серый и грязный, обшарпанный и столь же великолепный одновременно.

Иногда я понять не могла, что за эмоции он вызывает... Кто-то его ненавидит, мечтает уехать, оставив навсегда сырость и северные ветра за спиной.

Кто-то мечтает приехать, жить в этой стуже, среди парков, дворцов и каналов. Есть по утрам пышки и пить чёрный кофе, гулять по Елагину, дёргать носом стабильно пару раз в месяц.

Наши отношения с ним сложились не сразу, и порой я ловила себя на мыслях всё бросить и уехать обратно на юг. А порой...

Где-то очень, очень глубоко внутри, там, куда я сама боялась заглянуть и обнаружить что-то страшное, рождались запретные чувства к сложному городу.

На кухне пахло сливочным соусом, свечами с корицей и клубничной пеной для ванны, где я минуту назад пыталась

стереть остатки его поцелуев... Глупо, конечно, но, приехав домой, я едва не сломалась.

Растеряла весь пыл и запал.

На мои слова Бестужев ничего не ответил. В тот миг я думала, что он перейдёт за черту. Нарушит ту грань, где кончаются игры в подчинение и доминирование... но он, оттолкнувшись от стены, молча ушёл.

Оставил в разобранном донельзя состоянии.

Опять.

Пусть сейчас я не осталась в слезах у стены — я осталась там в совершенно разбитом состоянии, не чувствуя вкуса победы.

Теперь, сидя на нашей маленькой кухне после часовой ванны, устало наблюдала за тем, как Карина пыталась готовить, параллельно болтая про Воронова.

Кирилл Воронов... последние дни у нас все разговоры — только о нём.

Глава 17

Василиса

На шее всё ещё горели варварские поцелуи.

Тело парило. А на душе было паршиво.

— Не понимаю, зачем тебе эта работа? – помешивая соус, Карина закончила с рассказом про ссору со своим парнем и переключилась на мою новую работу.

— Можно же найти что-то ещё, а не драить полы. Вась, ну серьёзно? Себя надо уважать.

Ауч.

Я тоже, конечно, считала, что себя надо уважать, но никогда не допускала мысли, что, например, неуважаю труд горничных. Напротив, когда у меня будет отель, позабочусь, чтобы те, кто отвечает за чистоту, не сталкивались с такими вот замечаниями.

— Мне надо продержаться месяц. Тогда он отдаст чертежи и проект, с которым я могу выступить на конкурсе грантов, — охрипшим голосом объяснила.

Уйди из моей головы, Бестужев. Уйди!

Устроившись на широком подоконнике, продолжила пить ромашковый чай в надежде хоть перед сном забыть стальные глаза.

Ненависть истощила, первый за два года столь мощный оргазм опустошил, выброс адреналина добил.

С затаённой болью я вспоминала собственные слова.

«Он будет меня любить».

Когда-нибудь мы обязательно встретимся... Не будет в жизни ни Комаровых, ни ублюдочных шефов, ни увольняющих по щелчку чужих пальцев трусов...

— Слушай, а что насчёт клуба? – Карина неосторожно махнула лопаткой в соусе, отвлекая от мыслей. — Ты обещала.

Ох... клуб. Да.

— Легендарному Воронову так не терпится познакомиться с подружкой, которая моет полы? – прислонившись виском к стеклу, наблюдала за суесящейся влюблённой подругой, осваивающей азы кулинарии ради примирения с ненаглядным.

Серьёзно. Карина решила научиться готовить пасту с курицей и грибами и пригласить на ужин Кирилла.

— Неееет, зайка, ну что ты! – протянула Карина. — Дело не в этом. Просто мне хочется, чтобы ты развеялась, потушила, с кем-то познакомилась, — подмигнув, Карина вообще забыла про соус. — В «Койоте» полно таких мужиков... Может, найдётся управа на твоего архитектора?

— Не хочу связываться с мужчинами, — незаметно прикрыв волосами шею с зацелованной стороны, поморщилась. — От них одни проблемы.

— Вась, ну так нельзя! Нельзя всё решать самой! Нужно быть девочкой. Понимаешь? «Котик, а не закажешь мне так-

си?», «зай, мне нужна денежка на маникюр». А ты сама как хороший мужик!

— У меня всё в порядке. Лучше подумай о своём Кирилле и о том, что ты будешь делать, если он в какой-то момент наиграется и уволит тебя.

Лицо подруги вытянулось, я виновато прикрыла глаза, а после хлопнула дверь. Обидевшись, Карина ушла.

А в дверь позвонили.

— Алина? – выгнув бровь, на пороге застыл незнакомый мужчина. С самым необычным цветом волос, который я видела.

Тёплый, медно-рыжий оттенок лучшего цвета осени подчёркивал выразительно карие глаза в обрамлении длинных ресниц и несколько веснушек на крыльях изящного носа.

На вид ему можно было дать и лет 25–26, но морщинки у глаз говорили, что внешность обманчива.

А ещё, несмотря на тёплый, словно зацелованный солнцем образ, от него веяло холодом и какой-то болезненной самовлюблённостью.

— Вы, наверно, ошиблись, — я попыталась закрыть дверь, но носок кожаного ботинка упёрся в полотно, а глаза незнакомца бесцеремонно зашарили по моему лицу, словно пытаюсь найти объяснения.

— Тридцать вторая квартира?

— Д-да.

— Простите, обознался, — в холодной самоуверенной ухмылке и воркующей интонации не было ни капли его «извинения». — Карина тут живёт?

— Да-да, — я отступила назад, не понимая, что с ним не так. — Сейчас её позову.

— А ты у нас?.. — понизив голос и прищурившись, незнакомец вдруг шагнул прямо, наступая.

— Кирюш?! — из спальни выпорхнула Карина.

— Ты проходи, если хочешь? — повиснув на шее мужчины, Карина поцеловала его, а после затянула в квартиру, не дождавшись ответа.

— Я вам не помешал? — усмехаясь, Кирилл Воронов поглядывал то на неё, то на меня. Понимал, что приехал к полуночи без приглашения, но ни капли не смущался.

— Нет-нет, что ты! — Карина замахала руками. — Вася уже идёт спать? Ей завтра на работу рано...

— Вася?

— Василиса, — спокойно ответила я. — Соседка по квартире и подруга.

— Василиса, — медленно повторил, едва заметно кивнул. В краешках губ пряталась улыбка. Словно находил что-то забавное в нашем крошечном коридоре или в заискиваниях Карины.

— Кирюш, ужин? — Карина смотрела на него с надеждой. — У нас есть паста с грибами?

— Давай поужинаем в ресторане, — обняв подругу за та-

лию, самодовольно подмигнул. — Кажется, я задолжал извинительный ужин.

— Да, я, конечно... — Карина замялась, бросила странный взгляд на меня и отвернулась. — Пройдёшь, пока я оденусь?

Сама не знаю, почему я стояла тут с ними. Но что-то в этом мужчине не давало покоя.

— Карин, не парься, — его голос стал мягче. Как патока. — Я подожду здесь. Познакомлюсь с твоей хмурой соседкой.

Он широко улыбнулся, очаровательно, открыто, но от этой улыбки стало только тревожнее. Карина унеслась одеваться. Мне тоже пора было уходить.

— Я правда тоже пойду, — я вежливо кивнула Воронову на прощание. — Завтра рано вставать.

— Ты не из Питера, Василиса? — прислонившись к стене, Кирилл сложил руки на груди.

На запястье сверкнула золотая цепочка, на мизинце красовался золотой перстень с чёрным камнем. Бордовая футболка подчёркивала тренированные руки. А я снова поймала себя на ощущении, что он неумовимо похож на...

Прочь из моей головы!

Тебя тут быть не должно!

— Нет, — я отзеркалила его позу, скрестив руки на груди. — А что?

— Да так, просто... интересуюсь друзьями своей девушки, — он чуть наклонил голову. — Прости за слабость, но я

немного за неё переживаю. Я могу с тобой познакомиться?

— Хочешь, чтобы я рассказала о себе первому встречному? — я усмехнулась.

— Нет, что ты, — а этот самодовольный индюк по-дружески ухмылялся, словно всё ещё веселился. — Просто... забавно. У тебя нет родственников тут?

— Какая тебе разница? — не отвела взгляд.

— А тебе палец в рот не клади, да?

Я промолчала. Ну, а что тут ответишь?

— Очаровательно, — протянул Кирилл, и в этом «очаровательно» было что-то такое, от чего мурашки побежали по спине.

— Хорошего вечера, — я развернулась.

— Где ты работаешь, Василиса? — вопрос прилетел в спину.

— Не твоё... — меня перебила выпорхнувшая в очередном своём мини-платье Карина.

— Вася моет полы в галерее... — смерив меня новым, незнакомым, высокомерным взглядом, подруга щёлкнула пальцами. — Эта... как её...

— «Destruction», — тихо и шокированно, почти без вопроса.

— Да, точно!

А я застыла. То, как Воронов произнёс это слово... Нет, это Питер, и он ведь наверняка знал все значные и культурные места, но меня пробрало.

А Кирилл вдруг разразился гомерическим хохотом. Я развернулась, мы с Кариной шокированно переглянулись, и хотела было сказать, что её парень неадекватный, да и Карина рядом с ним слетает с катушек, как та обеспокоенно шагнула к вытирающему слёзы от смеха мужчине.

— Зай?

— Простите, — отсмеявшись, Кирилл даже не пытался спрятать фальшь в голосе. — Невовремя вспомнил старую шутку, — лениво положив руку на пятую точку подруги, сверкнул глазами на прощание. — Спокойной ночи, Василиса. Лёгкой работы.

Мой ТГ-канал "твой автор, Лисса Джонс"

Мое сообщество ВК, которое вот-вот начну наполнять (понимаю, что сейчас в ТГ трудно попасть, поэтому приходите, ВК вот-вот стартует, как только я поправлю здоровье)

Глава 18

Василиса

Бестужева я больше не видела. Утром в каморке нашла бумажный пакет с чёрной формой уборщицы, напомнившей медицинский костюм из брюк и рубашки с коротким рукавом.

Полы, полы, мрамор, полы... они казались бесконечными. Так прошло три дня, а на четвертый руки в резиновых перчатках стали трескаться и высыхать. Швабру порой хотелось бросить в угол и продолжить руками.

Но я не собиралась даже метафорически опускаться на чертовы колени перед заносчивым самоуверенным ублюдком.

В обед, едва не разразившись злыми слезами от простреливающей боли между лопатками, я всё же бросила швабру к ногам. И тогда ко мне подошёл первый в этом месте человек.

— Всё хорошо? – рядом оказался парень чуть старше. В чёрных стильных очках, свободной футболке и с бородой. Тоже что, какой-то чёрный дресс-код? Униформа?

Что они все как на похоронах?

— Да, спасибо, — быстренько приложив ладони к горящим от нагрузки щекам, незаметно вытерла слёзы и улыбнулась. — Я просто уронила, — присев, подобрала швабру.

— Я могу дать совет? – парень тоже опустил на корточ-

ки. Он не выглядел снобом, только что мог посоветовать? Как вымыть эти квадратные метры быстрее?

— Швабра тебе не по росту. Надо уменьшить, а то ты так всю спину на этой работе оставишь. Ну типа как лыжные палки, их тоже по росту подбирают, — улыбнувшись, протянул руку. — Можно?

Поднялись на ноги. С удивлением смотрела, как он раскручивает серебристую рукоять и делает её меньше.

Вот дурочка... Я и не знала. Теперь понятно, почему было так больно.

— Никогда не каталась на лыжах. Спасибо, — с благодарностью забрала свой рабочий «инструмент» и, помедлив, добавила:

— Я... я тут видела неработающий кофе-бар и всё, что нужно для кофе в подсобке. Если хочешь, могу приготовить что-нибудь на твой вкус, — если начальство не даст по шапке, но плевать на начальство.

— С удовольствием, — он улыбнулся. — Ты не из Питера, да?

— Геленджик.

— Мы так и подумали, что откуда-то с юга.

— *Вы?*

— Ну, мы вчера слышали, как ты разговаривала по телефону, объясняя кому-то, как нужно готовить пасту с грибами. У тебя немного акцент. А «мы» — мы с ребятами. Кстати, я Лёша. Оператор-монтажник.

— Василиса, — так и хотелось добавить «горе-уборщица туалетов». — Слишком сильно слышен акцент?

— Нет-нет, скорее мило. Хочешь пообедать, Василиса?

На втором этаже находилась светлая просторная кухня, уже сидели трое ребят-операторов, с которыми Лёша меня легко познакомил.

Кажется, Бестужев вообще не работал с женщинами. Я видела в галерее женщину-кадровика, когда оформлялась, и всё. Милая девушка Мария сидела на втором этаже в отдельном небольшом кабинете среди папок, полок и документов.

И всё.

Весь первый этаж сейчас переоборудовали под какую-то выставку десятков парней.

Сексист законченный.

Я молча жевала сэндвич, слушая речь, в которой ничего не соображала.

Они говорили на странном русско-английском. Слова смешивались в коктейль, от которого у меня закипал мозг: «билдинг», «концепт», «рантайм», «иммерсив», «рендер».

— ...как в той инсталляции в Токио. Помните? «Прогулка по хрустальной вселенной»? Только у нас по морской, но это в десятки раз круче. Я от вчерашней русалки всё ещё не отошёл!

Русалка...

— Что? — надрывно вырвалось у меня.

— Инсталляция есть такая в Японии, — Лёша повернулся ко мне, объясняя. — Проходишь по залу, а вокруг тебя — миллионы хрустальных огней. Они реагируют на движение, на звук. Как будто ты внутри падающей звезды или в центре галактики. Там очередь стояла по три часа...

— Ты сказал про русалку и океан, — перебила.

В душе заледенело.

— А это наша! Наша ещё круче! Виктор Александрович гений, он два года назад эту тему продал за бешеные бабки американцам-разработчикам игр, но, видимо, так проникся, что пересобрал новую флагманскую выставку. Медузы, русалка, дно океана с замком... Он, кстати, сегодня на конфере со СМИ, рассказывает им...

Гений... Два года назад... Русалка, медузы и замок...

Моё море. Моя ночь. Моё «русалка»... Как бы сильно сейчас я его ни ненавидела, но ту ночь... Ту ночь я хранила далеко за сотней замков в сердце.

Как что-то мечтательное и мимолётное.

С тем, кого я придумала, соткала из фантазий...

Комната поплыла перед глазами. Я поставила кружку на стол, а руки дрожали.

— Я лучше пойду, — едва слышно, почти про себя. — Надо помыть туалеты.

Я улыбнулась на прощание криво, наверное, жалко, и вышла из кухни. Добрела в тумане до туалетов, заперлась в одной из кабинок и обессиленно сползла по двери.

Он создал целый мир. Море. Русалку. Нашу ночь. И продал.

Сглотнула солёный ком в горле, подтянула ноги к груди, сидя на холодном кафеле туалетной кабинки.

— Гений, Виктор Александрович...

Разрушенное шато, разрушенные розовые очки, разрушенные иллюзии, разрушенная и пересобранная наивная Вася... А я ведь думала, что на этом он остановится.

Но продать... А теперь выставить на всеобщее обозрение...

Ты даже мою душу умудрился забрать и продать.

Я тебя ненавижу.

Ненавижу.

— Василиса! – голос управляющего пулемётной очередью прилетел в спину. – Постойте, пожалуйста.

Глядя на носки розовых туфель, осталась у выхода.

— С завтрашнего дня приступите, пожалуйста, полноценно к выполнению своих обязанностей, — подойдя, мягко улыбнулся мужчина.

Сил не было даже переспросить. Я просто подняла голову, глядя на Александра, не понимая, что ещё за «обязанности» не выполняю... Что ещё Бестужев придумал?

— Я имею в виду, начните, пожалуйста, мыть второй этаж, — всё также улыбаясь, объяснил помощник гениального ублюдка. — Это моя вина, прошу прощения, что не

провёл полноценную экскурсию и инструктаж. У нас сейчас горячий сезон несмотря на закрытие. Готовимся вовсю к новой выставке.

Очередное напоминание о выставке сжало сердце в оковы из острых шипов.

Да и слова про второй этаж, а это значит... За что? В чем я так провинилась перед Вселенной?

— Простите, а... кабинет руководителя тоже? – робко спросила.

— Да. Коридор, кабинет Виктора Александровича, мой, тот, где находится Маша, и опен-спейс для отделов коммуникации и маркетинга, но он совсем небольшой.

Совсем небольшой...

— И, Василиса? Пожалуйста, если будет очень тяжело... скажите мне, хорошо?

Рот приоткрылся, но я не сказала ни слова.

Тяжело стало не сейчас.

Было тяжело, когда я впервые поняла, что не нужна маме. Она не будет ходить на родительские собрания, приходить в школу, как мамы подружек, когда ребята дёргают их за косички слишком нахально.

Когда я принесла первую двойку по физре, а меня не ругали.

Когда прогуляла физру в седьмом классе, а мама и отчим ничего не сказали.

Когда у меня родился братик, и я словно исчезла из их

жизни.

А сейчас... Выдавив из себя дежурную улыбку, хотела было сказать, что я справлюсь, но слова болезненными спазмами схватили за горло...

Тот, кто ещё сутки назад одержимо прижимал к себе и страстно целовал шею, сегодня счастливо улыбался другой.

Мой ТГ-канал "твой автор, Лисса Джонс"

Мое сообщество ВК, которое вот-вот начну наполнять:

Лисса Джонс | Романы со вкусом первой любви

Глава 19

Василиса

«Знаешь, мам, если бы ты была у меня по-настоящему, я бы сказала тебе, как это больно. Всегда быть одной.

Искать точку опоры только в себе. Бояться, что однажды стержень сломается, переломится пополам, а никто не заметит. Никто не вызовет „Скорую“, не соберёт заново и не зашьёт, потому что у тебя была только ты сама.

Не иметь возможности быть с тобой рядом, не иметь с тобой связи, не заслуживать твоей любви... Что может быть страшнее для ребенка?

Иногда я думаю: зачем ты меня родила?

Может быть, однажды, когда я стану совсем взрослой, я спрошу у тебя это прямо. Может быть, ты даже ответишь.

Только, умоляю, не говори „не знаю“».

Вырвав листок из учебной тетради, я смяла написанное в ночи послание в комок. Бросила на пол. Залезла в кровать, укутавшись с головой в тяжёлое одеяло.

Я так делала лет с семи, когда становилось невыносимо... Сегодня вечером...

Стоя у выхода с Александром, хотела ответить, что со всем справлюсь.

Не получилось.

Не со всем можно справиться.

В тот миг... Боль полоснула по ребрам, по сердцу, по щекам, по животу. Исполосовала без анестезии. А нож держал в руках Виктор Бестужев.

И Женщина, с которой он предпочитает проводить время...

Она была в ярко-красном.

Подчёркивающей достоинства изящной фигуры брючный костюм, изящные лодочки... Брюнетка на миллион с декольте, выставяющее пышную грудь. Тот самый сорт женщин, до которых не дотянуться.

Он провожал её из своего кабинета, сопровождал на лестнице и подавал руку у последней ступени. Смотрел на неё с улыбкой. О чём-то переговаривались, тихо смеясь... Накачанные губки спутницы моего шефа то и дело складывались в утиное «О».

Все отдала, чтобы не видеть, как отполированные ноготки размером с мой палец прошли по его плечу.

Что же я тебе сделала? За что так со мной?

Наверное, я бы там и упала. Обессиленно рухнула на колени, на тот самый пол, что драила второй день из тридцати. Если бы не Саша, обеспокоенно спросивший, в порядке ли я и не нужна ли вода.

Брюнетка и Витя подошли к нам... И всё как в тумане. Унижение в очередной раз. Дежурные пара фраз, где я не была удостоена даже взгляда.

Ни от Него.

Ни от Неё.

Саша им что-то ответил, они скрылись за распашными дверями... Он ведь даже не понял, что сделал. Ни тогда, два года назад. Ни сейчас.

Зарывшись посильнее в кокон из одеяла, заплакала. Тихо, беззвучно, чтобы не разбудить девчонок за тонкими стенами.

Проживая боль изнутри, стиснула зубы и кулаки...

Представила маму рядом, представила, что обнимает, что-то шепчет, от чего я засыпаю.

К утру синяки под глазами расцвели пышным цветом.

Девочки ещё спали, когда собралась и вышла из дома. Вычеркнув очередной день в календаре красным маркером, снова поехала в ненавистную галерею.

Пятый день. Осталось всего двадцать пять... Двадцать пять дней ада. Конкурс. И грант. Всё, на чём я держалась – мечты о доме. Представляла себя в белоснежном костюме на пышном открытии, где всё будет утопать в белых цветах...

А руки уже начали кровоточить.

К счастью, в этот день в галерее никого не было, кроме охранника. Только в обед поняла, что притащилась сюда в воскресенье...

Виктор

Галерея сверкала.

Этого быть не могло. Но галерея сверкала, словно в вы-

ходные сюда нагрянул клининг, который должен был отдыхать еще несколько дней.

Открыл записи с камер и разорвало... Василиса. Одна.

Одна во всей галерее, упрямо сжав губы, херачила в свой выходной, только чтобы... Глядел на нее и дышать забывал,

Что ж ты делаешь? Нахрена?

Эта девчонка до беспамятства злила и заставляла сходить с ума все сильнее. Она не сдавалась. Воевала со мной до последнего.

Не встречал такого даже у тех, у кого были яйца. Как только люди понимали, что по их голове вот-вот проедут танки, они сдавали назад и выбирали «правильный» путь. Тот, по которому я их вел.

Чем больше смотрел, тем больше не понимал... Что она пытается сохранить?

Я забрал ее девственность.

Она сама мне ее отдала.

А в подсобке у стены... Так от нее тормоза отлетали... С трудом держался чтобы не попробовать ее на вкус. Как маньяк руки мыть не мог целую ночь после. Скручивало до рези, дышать не мог охуевая, от мощи ощущений.

Долбанное сопротивление. Василиса Никольская. Мой сладкий наркотик, чистейший дофамин внутривенно.

«Он будет меня любить».

«Я сама встану на колени».

Отбойным молотком, смертельным набатом звучали сло-

ва в голова.

Как же больно ей будет падать. Реальность добьет ее, когда наивная вера в любовь обернется против нее.

Взгляд зацепился за то, как Василиса на записи снимает резиновую перчатку пялится на свою крошечную ручку. Дует, плачет, думая, что никто не увидит.

Сам себя сейчас ненавидел. Как хотелось ее целовать... Забрать, увезти, показать, что все это – необязательно.

Сидеть.

Схватившись за стол как больной извращенец боролся с импульсами собственного тела. Дышал с трудом, вгоняя в легкие кислород с примесью запаха чистоты, ядом пропитавшего кабинет.

Твою мать... что за...

— Виктор Александрович? — в кабинет вошёл Саша. Судя по обеспокоенному тону, выглядел я сейчас как психопат на выгуле.

— Все хорошо, — отпустив стол, выпрямился и еще раз глубоко выдохнул. — Голова закружилась от кофе.

— Жанна направила интервью на согласование, скоро зайдет за приглашительными для випов. Я хотел напомнить, что сегодня уйду до обеда. Может воды?

— Почему Василиса была в выходной в галерее?

— Я проведу с ней инструктаж... — он замялся. — Но вообще она вроде знает свой график.

— Позови её, пожалуйста. Пусть зайдёт.

Пора заканчивать фарс.

— Виктор Александрович, — помолчав, Александр сме-
рил растерянным взглядом. — Ее нет.

Дорогие, хочу познакомить вас с Вселенной Лиссы

Цикл "#страшаяшкола" 16+

*"Король моей школы"- первая книга нежного, подростко-
вого цикла о первой любви.*

*Что делать, когда хулиган с детства влюблен в тихоню? А
если она его предала? А если он так и не смог простить ее и
превратил ее жизнь в ад? А если чувства все еще живы?*

*Фил и Ава - для любителей тропы "от ненависти до люб-
ви", спортивной романтики и нежных чувств.*

ЧИТАТЬ: <https://litnet.com/shrt/5cuQ>

"Новенькая в его школе"- вторая книга цикла.

*Саша - девочка из бедной неполной семьи. И она пришла
отомстить за смерть папы. Дима - сын того, за кем она
пришла. И он должен был стать игрушкой в ее руках, но все
пошло не по плану.*

Дима и Саша - самая стекольная, тяжелая история.

ЧИТАТЬ: <https://litnet.com/shrt/rcjt>

*"Название в секрете" - третья книга будет про Макса и По-
лину. После Вити и Васи.*

*Он - восходящая рок-звезда. Она - бывшая королева шко-
лы. Когда-то она разбила ему сердце, но что, если их пре-
данная любовь - цена его успеха?*

Цикл "Отморозки" 18+

Всем, кто любит погорячее! Эти мальчики - не подарки... но разве можно устоять?

А эти героини... ох, как же они обожают читать dark-романы.

"Запретная. Не забуду тебя" - первая книга. Адель и Ярослав встречаются в книге Димы и Саши.

*Он - тот, кого называли отбросом, маргиналом, убл***ом.*

Она - папина дочка, принцесса, наследница целого состояния. Против них был весь мир... Но разве его бы это оставило?

ЧИТАТЬ: <https://litnet.com/shrt/u0S0>

Вне цикла

"Люблю тебя, девочка" - история, с которой все началось!

Разница в возрасте, властный герой и неуступающая ему героиня, противостояние характеров и жаркие Виктор и Василиса. Хотите узнать, почему Василиса так невзлюбила Кирилла Воронова? Почему Фил для нее был худшим вариантом парня для Авы?

Витя и Вася - для любителей темных героев и серой мо-

рали.

ЧИТАТЬ: *<https://litnet.com/shrt/Et5x>*

Глава 20

Василиса

К обеду пары закончились, и, натянув лёгкую куртку, я вышла под морозящий битый час дождь. Май больше походил на март. Прохожие в чёрных вещах с зонтиками мельтешили на улице, студенты натягивали дождевики.

Посильнее спрятавшись в капюшон, спустилась по разбитым ступеням на улицу, направляясь в метро.

Перед глазами — прямо у моих туфель — появились носки кожаных берцев.

Вздрогнув, я сделала спасительный шаг назад, но поздно... Мужская рука крепко схватила за локоть, мои кулачки сжались в карманах, но сил на очередное сражение не осталось.

— Посмотри на меня, — пропитанный изломанной нежностью голос скользнул змейкой по моему позвоночнику, а за ним побежали мурашки.

— *Василиса...* — напротив стоял мой персональный садист и мучитель. А я понуро смотрела в асфальт, скрывая синяк на скуле, который заработала, уронив вчера на лицо упаковку средства для мытья стекол.

Мы стояли близко друг к другу, полы расстёгнутого пальто были перед моим носом, взгляд невольно упёрся в широкую грудь, к которой хотелось прижаться, наплевав на все

законы здравого смысла.

Я, наверное, мазохистка и ненормальная, раз хочу в эти объятия...

Отпустив руку, Витя подцепил аккуратно пальцами мой подбородок, заставив исполнить его просьбу.

Увидел, конечно, увидел. Погладил костяшками, едва касаясь щеки и скулы, нежно лаская посиневшую кожу в месте удара.

— Что вы здесь делаете? – оглушённо прошептала, следя за приоткрытыми чувственными губами и горящими сумасшествием, такими же, как небо, глазами. Не сводил с меня взгляда.

Арктический мужской аромат с примесью чего-то очень острого и дурманящего разум заполнил каждую пору и лёгкие, вытесняя и кислород, и волю к сопротивлению.

Словно с каждым столкновением я становилась слабее, а ему хоть бы что.

— Сядь, пожалуйста, в машину, — заправил за ухо выбившийся из капюшона локон, напоследок ещё раз погладив костяшками щеку. — Дождь начинается.

— Ты не отстанешь, если не получишь своё? – кожа на руках безжалостно напоминала о том, через что я прохожу по его воле.

Вероятно, считав по моей прикушенной губе приступ боли, Витя обхватил одну мою руку за запястье, заставив вынуть её из кармана.

Будто хрустальную вазу держал, а я смотреть не могла. Сухая, воспалённая, покрасневшая и припухшая... Выглядело ужасно, не как рука его спутницы.

— Что это? — убивая меня мрачным взглядом, не отпуская руку.

Отведя глаза в сторону, неопределённо пожала плечами.

— Такое уже было? Почему не сказала никому?

— Вам что ли жаловаться? — пробубнила, вытягивая руку из объятия его широкой тёплой ладони. — Ты же первый к полу и туалетом подкинешь ещё что-нибудь.

— *Крошка...* — когда он так говорил...

Лучше бы ударил! Потому что нельзя так, нельзя с живым человеком, что за садизм?!

А в следующий миг я оказалась прижата к Вите, в кольце его рук, мочила слезами рубашку. Не так, как ночью... Громко, навзрыд, по-девчачьи.

— Тихо, тихо, — убаюкивал, целуя в макушку, пока я зачем-то обнимала того, кто во всём виноват. Упиралась лбом в надёжную грудь и позорно ощущала себя в безопасности.

— Ну что ты пытаешься доказать? Чем дальше, тем будет хуже... Хватит со мной воевать.

Виктор

Осторожно подняв свое драгоценное чудо, я понёс девочку в дом.

Довёл. Собственными руками измучил до изнеможённого состояния. Самому от себя стало плохо.

Я ж не хотел, милая.

Мотор барахлил, когда смотрел на нежную щеку с расцветающим синяком. Член болезненно ныл, по-ублюдски требуя оттрахать её наконец-то. Даже сейчас.

— Где мы? — длинные ресницы затрепетали. Василиса вся сжалась в комок на моих руках.

То, как реагировал на неё уже даже не хер, а орган за ребрами, знатно напрягало.

Одно дело – безудержно хотеть засадить охуенной, горячей девушке.

Другое... Сам не знал, что творю. Принёс в родной дом, куда не приходила даже Алина.

Табу.

Запертая территория.

— Ты у меня в гостях, — носом уткнулся в сладкий висок. Даже сейчас от неё пахло персиками и морем. Мой, сука, личный аромат Гренуя.

— Поспи ещё, — так выплакалась, что уснула в машине, как только я её усадил и пристегнул.

Охреневал, что несу. Мало того, что ноги вели в мою спальню, так вместо того, чтобы крышесносно потрахаться, я на полном серьёзе сказал «спи».

Сирена в голове сходила с ума, огромными красными буквами выдавая «что происходит?!».

— П-пожалуйста, отпусти меня...

Вцепившись в мою рубашку, Василиса распахнула испу-

ганные глаза. Почему я раньше не замечал? Они не зелёные.

Этот цвет.

Sea green eyes.

Моя морская дикая девочка. Мелькнула мысль, что ей плохо здесь, в городе.

— Я тебя боюсь, понимаешь?

Ну что ты со мной творишь, чудо?

Совсем умом тронулся.

— Вить? — тряхнул головой под аккомпанемент испуганного голоса. И в пару шагов пересёк свою спальню.

— Я тебя не трону, — толкнув дверь ногой, занёс Василису в свою ванную.

— Да знаю я твоё «не трону», — устало пробубнила, а я поставил девочку на ноги, открыв кран и набирая джакузи.

Скрипя зубами, сгорая от адского желания, медленно выдохнул, считая до десяти.

Развернулся.

Состояние Василисы начало беспокоить. Безучастно глядя на наполняющуюся пеной ванну, так и стояла. Хрупкая, безжизненная, смирившаяся с тем, что я как насильник возьму её в разобранном состоянии.

Не убегала, не посылала к чертовой матери, не пыталась выдать очередную порцию высокоморального дерьма, плотно утрамбованного в её голове.

Новая волна вины хлестнула по нервам.

Ну и мудак.

Даже когда сократил расстояние, помогая снять безразмерную куртку-дождевик очередного розового цвета, моя желанная до посинения девочка не попыталась взбрыкнуть.

Фа-а-ак.

Распаковывал как подарок на Рождество, а она смиренно стояла, опустив глаза в пол.

Рубашка, неизменно розовая юбка... Опустившись перед Василисой на корточки, расстегнул замки туфель.

Прошибло зарядом до паха, когда накрыл обтянутую тонким капроном лодыжку, а её искалеченная рука невесомо легла на плечо.

Опираясь, подняла ножку, позволив её разуть и стянуть чулок.

Василиса носила чулки.

И выносите, сука, тело... мотор сдал, кровь хлынула пах, желание вылизать её всю скрутило в бараний рог.

Кому скажи — засмеют. Стою на коленях и раздеваю женщину, чтобы помочь ей помыться. То ли я окончательно отлетел, то ли мир сошёл не на те рельсы.

Член пульсировал... звёзды вспыхивали перед глазами... в чисто русском ахуе наблюдал за собственными трясущимися руками, когда расстегнул простенький лифчик, поддерживающий упругую грудь.

Вид нежно-розовых острых сосков вынес напрочь.

*Стоять, бл*дь, стоять.*

Пошатнувшись, в крошево стиснул зубы, останавливая

порыв наброситься и втянуть её грудь в рот.

Оставить всю в синяках.

Кончить на неё.

Ни в сексе, ни в работе не привык сдерживаться. Нянчить-ся. Объясняться. А тут...

Василиса Никольская была идеальной. Пропорции её тела прочно засели в мозгу. Я, наверное, мог бы с закрытыми глазами вывести линии её тела.

Небольшая сочная грудь, узкая талия и плавные бёдра, в которые хотелось вцепиться зубами.

Самая дорогая в мире гитара. Самая отзывчивая, позволяющая играть любые мелодии...

На аукционе для подобных мне извращенцев ты побил рекорды, детка.

Обанкротила бы не одного и не двух долларовых миллионеров за одну только возможность обладать твоим телом.

Заливая слюнями свою пребывающую в отключке музу, остановил себя.

Оставил в белых хлопковых трусах, иначе животное взяло бы верх над хвалёным самоконтролем.

— Василиса? – её имя отозвалось кипятком в тугих венах.

Подняв на меня взгляд, явно не понимала, почему я остановился.

— Я посажу тебя в ванну и помою. Держи руки на бортиках, хорошо? До поездки к врачу не будем мочить кожу лишний раз.

Морские глаза снова засверкали. Фак, да бл*дь!

Девченка-загадка. С такими стальными яйцами и стержнем, но постоянно в моём присутствии плакала...

Сочетание вот этой силы и слабости, простоты и вечно задранного к небу носа, железобетонных непробиваемых принципов и женской манкости меня в ней и зацепило.

Девочка-противотечение.

Хрен пойми: то ли ноги раздвинет и прижмёт к себе с просьбами «хочу так и вот так», то ли к черту пошлёт.

Подняв и усадив в ванну, остался стоять рядом, глядя, как пена оmyвает нежную кожу сжавшейся молчаливой девчонки.

Среди пара в моей ванне... чудо, ты хоть реальна?

В голове щёлкнуло моментально. Первая кат-сцена для «Атлантиды». Сирена, приглашающая игрока спасти её мир, который теперь не спрятан на дне океана.

Я знал, что сработает.

Перегрев мне мозги, Василиса заставила их работать.

Но вместо того, чтобы свалить и сделать набросок хоть на салфетке, я скинул рубашку, брюки, боксёры...

Пожалуйста, поддержите книгу библиотеками и звездочками!

Глава 21

Виктор

Тёплая вода плеснула через край, когда я устроился позади сжавшейся девочки. Придушил на корню вырывающийся рык, обратив внимание на её руки.

Сказал же — держать на бортике. Упрямица обнимала себя за коленки, пена мочила раздражённую кожу.

Придвинулся вплотную, захлёбываясь к черту слюнями от близости. Член упёрся в её спинку, вода добавляла остроты ощущений, но моя муза совсем окаменела, очевидно, ожидая вторжения.

— Если сама не попросишь, ничего не будет, — прохрипел в затылок, взяв за запястья, и уложил ладони на края ванны.

Каюсь. Мой фетиш. Нравилось, когда женщина сама умоляет и просит. Василиса неправильно всё понимала: не в моих правилах заставлять или брать силой.

Может, её давние «пожалуйста, поцелуй меня» и запустили всю цепочку событий...

Взяв гель для душа, выдавил на ладонь. Начал осторожно втирать в её шею и плечи, затягиваясь смешавшимися ароматами персиков и ментола.

Против воли строптивая недотрога расслаблялась.

Скользнув подмышками, накрыл её грудь, откидываясь и

опускаясь ниже под воду.

Бл*дь, блаженство.

Не уверен, что принимал ванну с бабами, которых трахал. По крайней мере, не припомнил такого. Разве что во времена университета и после отвязных ночей в «Кайоте».

Василиса задышала быстрее. Я нежно сминал её сиськи, гладил, ласкал упирающиеся в ладони соски, требующие, чтобы их попробовали на вкус. Пока девочка не сдалась и не всхлипнула едва слышно.

Пора.

— Почему ты не хочешь хотя бы попробовать?

— Почему ты не умеешь слышать чужое нет?

Ну вот, началось. Аж заулыбался. Василиса ожила.

— Василиса, я объявляю временное перемирие, — торжественно выдал, приподнявшись, крепко обнял за талию, притискивая к стояку поплотнее. — Если хочешь, мы вернёмся к войне после врача. Но добивать и без того умирающего врага ниже моего достоинства.

— А оно у тебя точно есть? Ни с чем другим не перепутал? Знаешь, иногда в России член называют достоинством, — ворчала себе под нос, но я слышал. — Ну а что? Вдруг у тебя плохо с русским?

Прикусив щеку, пытался с ней серьёзно поговорить, пока язвила.

Сейчас она вряд ли следила за языком. После слёз, уставшая и разнеженная... Хотел вытянуть по максимуму: чем я

хуже полов?

— Что тебя пугает? — не мог оторваться.

Рука лежала на талии, второй хаотично путешествовал по скользкому телу, прижавшись ртом к нежной щеке.

— Ты.

— А конкретнее? Два года назад ты ничего не боялась.

— Два года назад я думала, что ты подаришь мне сказочный первый раз, а потом исчезнешь. Я повспоминаю пару месяцев, как было хорошо, а потом забуду, встретив достойного мужчину, с которым мы влюбимся, поженимся и нарожаем детей. Можешь начинать смеяться...

— Ну, кхм... — замаскировал кашлем смешок. — Ты же ещё не встретила?

— Я просто ни с кем не могла встречаться, — надула обиженно щёки.

И тут меня осенило.

Оторвавшись от вылизывания её шеи, соображал. Смотрел на вздёрнутый нос и сладенький профиль, не в силах спрятать расцветающую волчью ухмылку.

— А как же «после тебя каждый был лучше»?

— Я соврала.

— Так ты ещё... — я думал, мне показалось. Думал, крыша совсем протекла тогда в подсобке, но нет.

Она правда почти не тронутая. Даже мной.

— У тебя был секс после меня?

— Нет.

Че-е-е-е-ерт...

В висках застучало, член болезненно дёрнулся, прижимаюсь к её спине, а я замер, боясь пошевелиться.

Я — единственный, кто её касался.

Единственный, кому она поддалась.

— Ты сама себя трогала? — чужим, хриплым голосом.

— Иногда. Когда очень хотелось...

Блять. Движение — и сорвусь. Одно движение — начну целовать шею, спущусь ниже, разверну к себе, возьму прямо здесь, в остывшей воде.

Прямо сейчас.

— Я буду в России до конца июня. Почти два месяца.

— Какое офигенное предложение, Виктор Александрович...

Дышал, сжав под водой ее бедра.

Глубоко. Рвано. Ведя обратный отсчёт про себя.

Десять, девять, восемь... один. Нихуя что-то не помогает.

А Василиса вдруг разговорилась.

— Я всю жизнь была одна, — тихо начала она. — Сама у себя. Всем вокруг было всё равно — плачу я или смеюсь, хорошо мне или плохо. Когда я жила с мамой и отчимом, я ходила в хорошую школу в Краснодаре... И все знали, что Василиса Никольская никому не нужна. Что её можно толкнуть, сказать что угодно. Что за неё никто не заступится. Отчим никогда мной не интересовался, мама не проверяла мои оценки. Я всегда знала, что должна уметь постоять за себя.

Вдох.

Выдох.

И тишина.

Вынесла.

— Потом случилось шато. И обычная деревенская школа.

Я впервые... я делала математику с нашим поваром. Они все знали меня по имени. А в школе... были обычные ребята, у меня появились друзья...

Прижавшись лбом к мокрой макушке, обнимал и молча слушал. Дурочка... сама же вручила мне нож для своей хрупкой спины.

— Кому-то было на меня не плевать. Впервые за пятнадцать лет. Для матери я была проблемой, для деда с бабушкой — результатом плохого воспитания их дочери. Родной отец просто исчез из моей жизни.

— Твой дед не... — хотел было поспорить, но заткнулся. Василиса начала говорить обо мне.

— Ты даже не представляешь, кем ты для меня был... Кем-то, кто знает папу. Кем-то, кто всё спасёт. Тебе даже не надо было стараться — ты ещё не приехал, а я тебя уже ждала... А потом... тебе хватило пары взглядов. Той ночью... я была с тобой не ради шато, не ради разговора с дедом... Я была с тобой. Всё было так, как ты хотел.

— И что ты сделал потом? Ты забрал всё. Мой дом...

— Отель — это не дом, крошка.

— У меня нет другого. Где место, куда я могу поехать?

Где меня ждут?

— Ты стал моим первым мужчиной... А теперь я мою туалеты в твоей галерее. А ещё... ребята говорили про выставку, русалочку и океан... и что ты придумал это два года назад...

Ты даже не представляешь масштаб катастрофы. Выставка — верхушка долбаного айсберга, Василиса.

— Там... есть... там я? Или мы? Что это? Нас кто-то увидит? — развернувшись, посмотрела доверчиво в глаза.

— Нет, малышка, — улыбнулся, не видя смысла отрицать. — Это же не картина с натуры. Никто никогда не поймёт, не бойся, — поднял пальцами подбородок, поцеловал в носик.

— Тогда что там? — вдохнув, быстро юркнула язычком по губам. — Что такое интерактивная световая... ммм... как там?..

— Я покажу тебе первой. Ты будешь в восторге. Ты — моя муза.

Если метод кнута не сработал, возможно, сработает пряник?

Не сдерживаясь, поцеловал в пухлые губы. Снял резинку с длинных волос, запустив в потяжелевшие, мокрые локоны пальцы.

Да, вот так... отвечай мне...

- *Хочу в тебя...*

Василиса хорошо поддавалась и отзывалась, оказавшись верхом на мне. Лицом к лицу, дурел от своей наездницы,

от её тихих стонов, покачиваний на моём члене, от сладкого вкуса язычка...

Лицом, мать вашу, к лицу...

Не спиной. Не нагнул раком. Не уложил на живот поперёк ванны.

Никогда не смотрел в их лица...

Приподняв за бёдра, хотел отодвинуть трусы и усадить на себя...

— Я не могу, — разорвав поцелуй, Василиса отвернулась и не поддалась. — Если я соглашусь, то снова влюблюсь. Ты уедешь. А я снова буду несколько лет приходить в себя.

Что стоило сейчас поднажать?

Ничего. Одно движение — и она бы не вспомнила, что говорила секунду назад.

Но впервые за тридцать лет я этого не сделал.

Я поддался.

— Пожалуйста... Я — это всё, что у меня есть. Не надо меня побеждать.

Пожалуйста, поддержите книгу библиотеками и звездочками!

Глава 22

Василиса

Проснувшись, я обнаружила на краю кровати аккуратно свёрнутую одежду и сухое бельё.

Боже, ну и угораздило же тебя, Вася!

Кожа на руках всё еще была раздражена и пересушена. На самом деле я записалась к врачу сама. Просто я же не Виктор Бестужев!

Для обычных людей ближайший свободный приём был через неделю.

Надевая трусики и чулки, боролась с дурацкими мыслями о том, кто и как все это добро снимал.

Видит Бог, столько сил отдала, защищая свою душу и сердце от сделки! Не хватало ещё снова и снова о нем думать!

Но не думать не получалось.

После ванны... Я смутно помнила, как Бестужев перенёс меня в спальню... И все.

Не приставал.

Осмотревшись, поёжилась. В комнате было стильно, красиво, но... неуютно. Бездушно.

В центре стояла классическая двухспальная кровать, убранная белоснежным свежим бельём. Но, спустив ноги, я поняла, что она... вау, она как бы парила над землёй.

Кровать не касалась пола, словно была подвешена за изголовье к стене.

У кровати красовался белоснежный пушистый ковёр. Две подвесные тумбы. Ещё встроенный закрытый наглухо гардероб в потолок и большое окно с тяжёлыми шторами.

Всё бело-антрацитовое.

Я словно оказалась в дизайнерской картинке, по которой продают мебель.

Ни одной фотографии в рамке.

Ни одной книги, журнала.

Абсолютно стерильная пустота. Да даже в отелях на столах есть ручки, блокнотики и брошюры!

Не зная, где сумка и телефон, спешно оделась и подошла к большому окну в пол, сиротливо высунув нос из-за тюли.

Судя по всему, это частный дом где-то за городом. Зелёная лужайка, свежий вид после дождя, закатное небо. Окно выходило на задний двор, который тоже пустовал.

Может, он снимает дом, когда приезжает в Россию? Ну не может нормальный человек жить в подобном холодном пространстве!

Хотя, он не то, чтобы прямо нормальный.

За дверью ждал пустой коридор. Пара закрытых одинаковых дверей и полная тишина. И всё ещё ни одного фото, ни одной валяющейся на полу вещи или игрушки... хоть какого-то признака жизни.

Мелкими шажками я дошла до лестницы, и в нос ударил

божественный аромат мяса. Послышались тихие звуки кухни и лёгкая музыка.

И мои болезненные к нему чувства, перемешанные в горький коктейль из ненависти, первой любви и неумолимого магнитного притяжения взорвались!

Хочу в тебя.

Убийственно сипло шептал в мои губы, разрывая девичье сердце неподдельной мужской одержимостью, против которой не устоять.

А я устояла.

С колотящимся сердцем спустилась по лестнице и ждала новой битвы. Но всё выглядело совершенно иначе.

В огромной-огромной комнате, выполняющей роль кухни-гостиной, меня ждал ослепительно-красивый Витя.

В неизменно чёрной рубашке, демонстрирующей предплечья под закатанными рукавами. С расслабленно расстёгнутыми пуговицами на груди, раскладывал по белоснежным тарелкам вкусно пахнущий ужин.

— Ты вовремя, — подняв гипнотический взгляд, Виктор Александрович порочно улыбнулся уголками чувственных губ. — Через полчаса выезжаем к врачу.

— Так беспокоит, что я не смогу держать в руках швабру? — оставшись стоять у лестницы, я сложила на груди руки, спасаясь от томного взгляда.

Потянулся к бутылке розового вина, красующейся на изысканно накрытом острове-баре. С предсмертным ударом

моего сердца выдержнул пробку...

— Конечно, — с ноткой веселья и видом хозяина жизни.
— Как я без Василисы Никольской? Я же просто тобой одержим.

— Я поеду домой, — закатив глаза, устало оповестила мужчину.

— Ростбиф отлично сочетается с розовым вином, — облокотившись о столешницу, глядя из-под длинных чёрных ресниц сверкающим колдовским взглядом.

— Ты знала, что тезис «красное — к мясу, белое — к рыбе» - просто скучная база? Как и во всём. Есть фундамент и база. А есть интересные надстройки...

— Вы просто эталонный манипулятор, Виктор Александрович, — тихо прошептала, теряясь от нового вида напора.
— Тебя бы воспели все психологи мира.

— Спасибо. Люблю дифирамбы в свою честь. Тебе это нравится, да? Так ко мне обращаться? Можешь ещё попробовать «господин».

Ага, а могу «самодовольный кретин».

— Во-первых, это не комплимент. Во-вторых, мне вообще не нравится к тебе обращаться. В-третьих... — растерянно посмотрела на стол на двоих. — ...зачем ты это делаешь? Разве у нас не перемирие?

— Демо-версия на сутки, Василиса. Хочу, чтобы ты имела правильное представление о моём предложении. Если тебе не понравится, я отдам чертежи и проект. Разойдёмся, как

в море корабли.

— А что может быть непонятного в «я не завожу отношений, но мы будем спать, где и как я захочу»?

— Вино из Франции, — разлив нежно-розовую явно до-рогую жидкость по широким бокалам, дьявольски сексуаль-ным голосом проинформировал.

— Хочешь оценить, что предлагают винодельни Долины Роны?

Это самоубийство, Василиса.

Прыжок в пропасть, билет без возврата.

Это поезд в один конец, второй раз тебе не выпрыгнуть из вагона.

Увы, да. Я прекрасно понимала, как сильно меня тянет только к нему. К опасному для моего рассудка мужчине...

— Если подумать... — уверенный в том, что я не уйду, Бестужев разрезал мясо на обеих тарелках, отправляя пер-вый кусочек в рот.

— Шато не обязательно будет выполнять только базовые функции местной винодельни и скромного отеля. Гастроно-мический туризм набирает популярность. «Николь» может стать флагманом этого направления. Твой козырь для гранта.

Я очень и очень сильно об этом пожалею...

— Считай, что это профессиональный интерес, — я шаг-нула вперёд, в сторону кухни, добровольно отказавшись бе-жать.

К сожалению, до конца недели я буду в больнице, главы выйдут в четверг и субботу. Буду очень рада вашим комментариям и поддержке книги!

Дорогие, благодарю тех, кто читает в процессе и поддерживает историю ##

Глава 23

Василиса

Поморщившись от острой боли в руках, я устроилась на барном стуле у стойки. Правда, мгновенно пожалела о слабости.

В пару шагов обогнув стол, мой мучитель с дьявольским взглядом остановился у сведённых коленей. Напрямую установил контакт с глупым сердцем.

— Что ты... — заикаясь, старалась отодвинуться на стуле подальше. — Делаешь?.. У нас перемирие!

Ладонь на бедре обожгла через тонкий капрон, и долгую секунду мы оба молчали.

Мне казалось, что Бестужев способен на рентгеновский взгляд: до того антрацитовые глаза прожигали.

Снова таяла от его касания, от взгляда и запаха.

Тактильно и на каком-то энергетическом уровне это был полностью мой мужчина, способный обеспечить тотальное ощущение контроля и власти.

Не то что бы это хорошо...

Сама не знаю, почему мне нравилось это в нем.

— Покормлю тебя, — сипло. Без бывшего веселья.

— Это тоже может быть частью программы гастрономического туризма? — съязвила.

У моих губ оказался небольшой кусочек сочного мяса,

пахнущего специями и розмарином.

Стыда не хватало... щёки алели, пальцы на ногах поджигались...

Приоткрыв губы, не в силах разорвать контакт глаз, я позволила ему устроить эротическое шоу в виде кормления с серебряной вилки Василисы Никольской.

Боже, ну ладно. Готова признать. Если это новый метод соблазнения, то он точно лучше всех предыдущих.

Я не прыгну в койку за ужин, но насладиться никто не мешает.

— Ты будешь со мной спать. Без вопросов и пожеланий, — неотрывно следил за мной подёрнутым поволокой взглядом. — Но, по-моему, я — решение всех твоих проблем. Может, будешь использовать меня по полной программе?

— Звучит всё ещё ужасно.

— Отбрось эмоции. Это просто сделка, — наколол новый кусок, отправил в свой рот. — Банальный расчёт.

Не верила, что решилась... Я правда впервые решилась на этот разговор?

— Можно вопрос? — спросила, стремительно утопая в тёмной ауре и дымящемся взгляде. Ясно же, какое продолжение ужина у него в голове.

— Можно, — довольный ответ. И пара глотков прохладного вина.

— Я поняла про себя. Ты поможешь, решишь и всё такое, — сглотнула. — А в чём твоя выгода? — прикусив губу, су-

дорожно вздохнула.

Потянувшись за своим бокалом, жадно глотнула.

Я ведь в ванне уже случайно призналась... Но все же повторять было неловко.

— Я же неопытная в постели.

Ну это прям мягко говоря.

— Вокруг тебя много тех, кто... может быть лучше, — прикрыв глаза, едва слышно закончила.

— Но хочу я тебя, — пальцы на моей ноге ожили. — Мне нравится, как ты отдаёшься, несмотря на сопротивление, — запустив руку под юбку, Витя огладил кромку чулок, пустив разряд в сокровенное место.

Не открывая глаз, позволяла себя кормить, слушая каждое слово.

— Нравятся твои глаза. Хочу увидеть твоё лицо, когда ты кончаешь. И у тебя идеальная фигура, — его голос осип, рука чуть сжала дрожащую ногу.

— Иногда мне хочется уложить тебя на полотно и обвести. Иногда я хочу безостановочно тебя целовать.

— Я красивая?

— Тебя это удивляет? — так близко, жаркие слова на губах.

— Дело в том, что тебе нравится моя внешность? — в темноте, на ощупь, я положила руки на широкие плечи, продолжая докапываться. — То есть она тебя возбуждает? Или ты так всем своим женщинам красиво говоришь?

— Они не мои, Василиса.

Горячие губы... Полный туман...

Тихий стон на двоих, когда пальцы скользнули по трусикам, потрогав там нежно.

Я притянула его за ворот рубашки, столкнув нас губами. И в этот миг входная дверь хлопнула.

— Вить, я дома!

Разнёсшийся бравый голос по всему этажу заставил нас застыть друг напротив друга. Мышцы под моими пальцами окаменели.

Открыв глаза, столкнулась со странным обеспокоенным взглядом.

— Сиди здесь, — коротко бросил, — я сейчас, — крутанувшись, Витя быстро ушёл.

Меня накрыла зона жестокой турбулентности.

Что это... что я... Сердце галопом, ладони вспотели, голова кругом...

Я же чуть было... Сама!

В панике осушила бокал, побила себя по щекам, приходя в чувство. Услышав мужские приглушённые голоса, спрыгнула со стула, поспешив в коридор.

— Кто это был? – натолкнулась на Бестужева у выхода из гостиной.

— Мой младший брат, — не в своём стиле взъерошив чёрные волосы, облизнул губы.

Выдохнул.

Не смотрел на меня.

Поняла, что случайно оказалась в его личном пространстве.

— Ты его... прогнал?

— Вежливо попросил погулять. Я не порчу его вечеринки, он не сует нос в мои дела.

Зажмурившись, сжал переносицу, будто пожалел о сказанном, но через секунду на место вернулся привычный мудацкий Бестужев.

— Пора выезжать, Василиса.

Я смотрела в окно на укрытый вечером Питер.

Вдоль шумного неспящего Невского мелькали светящиеся кафе, рестораны и бары. Молодёжь, компании, парочки... Жизнь кипела... где-то там, за стеклом, отделяющим меня от всего этого.

В салоне было удушающе тихо.

Бестужев забрал у врача листок с заключением: аллергический контактный дерматит кистей рук.

Хорошего мало: руки рискуют превратиться в кровавое месиво за оставшиеся двадцать пять дней, если буду работать в том же режиме.

Я посмотрела на свои ладони. Красные, шелушащиеся, в мелких трещинах, которые тянуло при каждом движении.

Врач сказала: «Если не прекратить контакт с химией и латексом — пойдут глубокие трещины и инфекция».

А найти другую работу, где я заработаю на выкуп проекта... что-то из области научной фантастики.

Оставалось только принять его предложение.

Секс на два месяца. Без обязательств, без будущего и без вопросов. Тело в обмен на мечту.

В молчании мы заехали в аптеку, теперь рядом со мной лежал целый пакет таблеток и мазей. А через двадцать минут остановились у одной из многоэтажек в Приморском районе.

Прямо напротив моего подъезда.

— И как это понимать? – нарушила тишину первая, глядя на сжимающие кожаную оплётку руля руки. — Откуда ты адрес знаешь?

— Ты же у меня работаешь. В документах адрес, — Витя ответил также тихо, до белых костяшек сжав руль.

Надо было открыть чертову дверь и выйти. Оставить его! Мои руки – его вина! Я не должна благодарить! Или чувствовать эту неловкость...

Зазвонил телефон, нарушив вязкое молчание.

— Ответь, — наши взгляды столкнулись в зеркале заднего вида, когда я достала телефон и быстро сунула его обратно в карман, увидев на экране неуместно сейчас имя.

— Я не...

— Ответь сейчас, Василиса, — мрачно. — Вдруг что-то важное, — таким тоном, что побежали мурашки.

— Привет, — следя за мужчиной, я ответила Стасу.

Хотела уменьшить громкость на минимум, но едва замет-

ное покачивание головы меня остановило.

— Демо-версия, помнишь? — одними губами.

— Вась, привет? Слушай, я... ммм... В общем, я тебе там три косаря перевёл, ты получила? А то я кинул, а в ответ тишина. Это я в сумму долга, — тараторил Стас, я его перебила.

— Да, получила. Спасибо.

— Вась... мне так стыдно. Мы можем...

— Мне неудобно говорить. Я перезвоню, пока, — сбросив, застыла. Я знала, что он слышал. Но не понимала, зачем ему это.

— Что за долг? — глядя в лобовое стекло, задал вопрос.

— Да так, одолжила другу...

— Василиса, — впервые с того момента, как мы сели в машину у его дома, Бестужев на меня посмотрел. Тьма клубилась в зрачках, а радужки — как дым от пожара.

— Я-я... М-мы были на свидании... Стас любит играть в компьютерные игры... в общем...

— Сколько ты ему отдала?

— Сто тысяч? — сама не поняла, почему вышло вопросом. Мёртвая тишина салона.

В полутьме позднего вечера видела, как он сжал челюсть, и желваки заходили под скулами.

— Они взяли?

Они? Откуда он?..

— Я не говорила...

— Да брось, — не дослушал. — Всё очевидно. Мне можно не разжёвывать каждый нюанс зависимости твоего друга, — ядовито выплюнул последнее слово, презрительно сморщившись.

— Взяли. Чего им не взять? Им деньги отдали, а кто — не важно...

— Тебя трогали? — Витя снова прервал, резко крутанувшись всем корпусом. Навис надо мной, не касаясь.

— Да нет...

— Ты не поняла. В физическом плане, — давил. — *Эти двое тебя трогали?*

— Н-нет, говорю же... Я жива и здорова...

Я так понимала, он намекал на насилие или принуждение. А смотрел так, будто сам готов был убить их, если бы я сказала «да».

Воздух в салоне загустел. Стал почти осязаемым.

— Василиса, — шёпотом, ноздри раздувались от рваных коротких вдохов и выдохов. — Я не про дерьмо, которое ты представила в своей голове. Эти двое брали за руку? Оставляли? *Прикасались?*

*## СКОРО НА РОМАН ОТКРЫВАЕТСЯ ПОДПИСКА.
МИНИМАЛЬНАЯ ЦЕНА В ПЕРВЫЕ ДВЕ НЕДЕЛИ ИЮНЯ!*

Глава 24

Василиса

— Нет, — спустя какое-то время я честно ответила. Вслед за ответом щёлкнули блокировки дверей, и, ничего больше не сказав, я положила руку на ручку, чтобы скорее сбежать.

— Спокойной ночи, Василиса, — прилетело фантомно в спину, но не уверена, что он это правда сказал.

Чёрный автомобиль так и стоял, пока я шагала к подъезду, спиной ощущая жадный неотпускающий взгляд. Словно требующий вернуться обратно, запереться в его машине и никогда, никогда больше его не покидать.

Держись, Василиса...

Не смей.

Грустно усмехнувшись, жалела саму себя. Меня легко подкупить даже каплей заботы...

Ведь сейчас хотелось вернуться и согласиться не из-за безысходности, а потому что меня накормили и купили лекарства, подвезли до дома и спросили, не обижал ли кто-то на улице...

— Вася! Ты где пропадала? Мы уже звонили три раза за вечер! — на пороге встретили девчонки. Злата в пижаме и Карина при марафете, уже обувающаяся выезжать на работу.

— Универ, галерея... пока добралась... — бросила на тумбу сумочку и пакет, спрятав руки в карманы дождевика.

— Вась, Злата меня динамит! Ни в какую не хочет потушить в клубе.

— Я книжный червь, простите.

— А у тебя как настрой?

— Не сегодня, Карин.

— Не сегодня, но я тебя туда обязательно затащу, — щёлкнув меня по кончику носа, Карина чмокнула в щеку и улетела.

Злата как-то странно на нас посмотрела, но, промолчав, ушла в свою спальню. Я побрела в комнату, эмоционально убитая долгим днём.

Упав на кровать, закрыла глаза и провалилась в темноту за считанные минуты.

Море... Тёплое, южное, с волнами, которые обнимали песок. Плавала, над головой резвились чайки в лазурно-голубом небе... Запах гари...

В секунды небо заволокло густым серым дымом, я закашлялась прямо в воде, задыхаясь...

Помогите...

Плескалась... Что-то тянуло... обратно, из воды...

Среди волн, брызгов и кружащих коршунами чаек я развернулась, всё ещё держась на плаву, и ужаснулась... Там на берегу, на холме, жадные языки высокого пламени ласкали шато.

Огонь лизал стены, вырывался из окон, рвал небо. Стекло лопалось, камни трескались, пепел снежным бураном летел

в небо...

Мой отель... Он горел.

И я закричала.

Пары нам отменили, поэтому я бесцельно шаталась по улице целый час, не решаясь поехать в галерею.

Всё уже сложилось и предрешено. Какие ещё могут быть варианты?

Я могу сказать «да». И окончательно раствориться в нём. Перестать быть собой. Стать его. На два месяца. Или больше — кто знает, как долго он захочет играть?

А могу продолжать мыть полы, распрощавшись с руками. К концу месяца они превратятся в страшное нечто. Как вообще я после буду без рук?

Радовало одно. Мой кошмар — просто глупый кошмар. Раню утром, едва позволяли правила приличия, я позвонила в участок. Благо, в нашей «деревне» все друг друга хорошо знали.

Я попросила дядю Руслана, который пару раз ловил нас в подростковом возрасте на утёсе за нырянием, проверить отель.

Слава богу, там всё хорошо. Заросло, конечно, немного, но никаких взломанных замков, следов ограблений или пожара.

Просто сон. Просто страх.

«Кто знает, как московские застройщики получают зем-

ли?»

«Я помогу... Ты можешь сама... использовать меня».

Как у него так получается? В словах я не могла найти ни толики подвоха, но осторожное сердце подсказывало — всё удивительным образом складывается в его пользу.

Как же ты это делаешь?

Как сделал так, что я почти согласна?

Не ультиматумом.

Не угрозами.

А кремом для рук, приготовленным ужином и вопросом «тебя трогали?».

Нежностью, которой я не ждала.

Заботой, о которой не знала.

Шла по солнечному майскому городу, смотрела на цветущие деревья, на сотни прохожих...

А внутри кирпичик за кирпичом с грохотом, треском и крошевом разрушались все выстроенные за два года стены, оберегавшие сердце.

Ещё немного погуляв, я поехала в галерею, приняв окончательное решение. Будь что будет.

*## СКОРО НА РОМАН ОТКРЫВАЕТСЯ ПОДПСКА.
МИНИМАЛЬНАЯ ЦЕНА В ПЕРВЫЕ ДВЕ НЕДЕЛИ ИЮНЯ!*

Глава 25

Утро этого же дня, 04:45

Клуб «Койот»

Запрокинув от наслаждения голову, Кирилл Воронов выдохнул сигаретный дым в потолок.

В легендарном клубе он остался один... Едва закончилась очередная шумная ночь. Персонал развезли по домам, последние гости покинули злчное место.

В воздухе пахло выпивкой, танцами и кальянами, танцпол был усеян блёстками и потерянными вещами, и через пару часов приедут уборщицы. Клуб снова будет шуметь.

А пока он наслаждался столь редкой в его шумной жизни тишиной и покоем.

Ночами... ночами вокруг владельца «Койота» вились толпы девиц, золотой молодёжи. И тех, кто не оставит его в живых, если их имя всплывёт в прессе в одной строке со словом «Койот».

Пока на танцполе первого этажа отрывались те, кому удалось пройти фейс-контроль и дресс-код, а на втором этаже дети богатых родителей сливали бюджеты небольших городов за пару ночей, на третье

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.